

№1

Январь 2016

РУССКИЙ КЛУБ

«ЗА ГОРАМИ,
ЗА ЛЕСАМИ,
ЗА ШИРОКИМИ
МОРЯМИ...»

Стр. 22

Мир без преград

8 (800) 200-77-99

звонок по России бесплатный

www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ. Генеральная лицензия Банка России № 1000

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ-ШАДУРИ
Донара КАНДЕЛАКИ
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДЗЕ
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
ГОГИ КАВТАРАДЗЕ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ
ГУЛБАТ ТОРАДЗЕ
ДЖАНСУГ ЧАРКВИАНИ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

РУССКИЙ КЛУБ

№1⁽¹²³⁾
Январь 2016

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 МЕЙНСТРИМ И АРТХАУС КИНЕМАТОГРАФА
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 12 ЗАВЕН САРГСЯН: «ПАРАДЖАНОВ ВСЮ ЖИЗНЬ СТРАДАЛ
ЗА ТО, ЧТО ЛЮБИЛ КРАСОТУ»
ЯНА ИСРАЕЛЯН
- 17 ДИРЕКТОР ОТВЕЧАЕТ ЗА ВСЕ
НИНА ЗАРДАЛИШВИЛИ-ШАДУРИ
- 22 «ЗА ГОРАМИ, ЗА ЛЕСАМИ, ЗА ШИРОКИМИ МОРЯМИ...»
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 24 СНИМАЕМ ШЛЯПУ!
- 26 «Я ТРОГАЮ СТАРЫЕ СТЕНЫ...»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 32 БЕЗЗАВЕТНОЕ СЛУЖЕНИЕ КАВКАЗУ
ЕЛЕНА НИКОЛАИШВИЛИ
- 36 ВЕРЮ – НЕ ВЕРЮ
ИРИНА МЯГКОВА
- 41 КРУТЫЕ БЕРЕГА РЕКИ ВРЕМЕНИ
ИРИНА ВЛАДИСЛАВСКАЯ
- 48 МОЯ ДОРОГАЯ НАТАША
АНАИДА БЕСТАВАШВИЛИ
- 49 ВЕЧНАЯ ТАЙНА
ТАМАЗ ЧИЛАДЗЕ
- 50 ПЕРЕВОДЫ НАТАЛИИ СОКОЛОВСКОЙ
ОТАР ЧИЛАДЗЕ
- 52 ВЕЛИКИЙ СВЯТОСЛАВ РИХТЕР
ГУЛБАТ ТОРАДЗЕ
- 54 НАМ ПИШУТ

На обложке – Участники Рождественского шествия «Алило».
Фото Александр СВАТИКОВ

ОТ ДО

■ **Роб АВАДЯЕВ**

САТИРИК В ВИЦЕ- ГУБЕРНАТОРСКОМ МУНДИРЕ

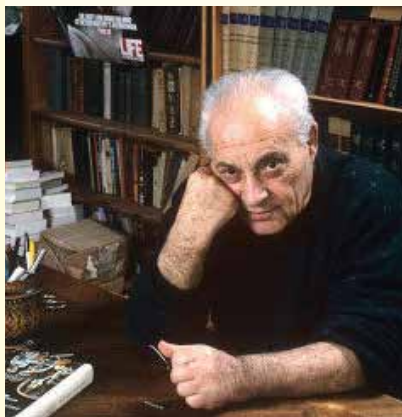

Знаменитый русский писатель-сатирик Салтыков-Щедрин, которому 27 января исполнится 190 лет со дня рождения, в истории российской словесности человек абсолютно уникальный. Его творчество было «не ко двору» аж при трех властях – царской, советской и нынешней России. Острота его произведений настолько актуальна, что, читая, поражаешься тому, как за 150 лет ничего не изменилось. Острым на язык он был с юности, сочинял стишки «неодобрительного содержания», как было написано в характеристике Царскосельского лица. Разумеется, выпускник столь престижного заведения и выходец из старинной аристократической семьи Михаил Евграфович Салтыков – «Николай Щедрин» его литературный псевдоним – стал чиновником на государственной службе. Но за свой саркастический слог и насмешливый характер он был вечно на плохом счету у начальства. Его без конца ссылали работать в провинцию, где он, невзирая ни на что, оказывался компетентным и добросовестным работником, чутким к простым людям и делавшим немало хорошего и полезного. При Николае I он не вылезал из многолетней ссылки, но с момента во-

царения Александра II Освободителя Михаил Евграфович получил разрешение жить в столице и назначался позднее на высокие государственные должности. Именно с этих лет он все глубже и глубже погружался в литературный мир, а потом и вовсе ушел в отставку, чтобы посвятить себя этому занятию. Не все, однако, восприняли появление такого автора, беспощадного критикующего нравы губернской бюрократии. Так не любивший его критик-разночинец Писарев как-то сказал, что «смешон сатирик в вице-губернаторском мундире». Но Салтыков-Щедрин прекрасно осознавал, что пишет на вечные темы и о вечных персонажах, потому что и сейчас на свете живут помпадурсы и помпадурши, жители города Глупова и иудушки головлевы.

ОТ «КОРТИКА» ДО «ДЕТЕЙ АРБАТА»

Кто из нас не читал в детстве прекрасной книжки с приключениями умных мальчишек в годы сразу после гражданской войны, с захватывающей дух тайной, скрытой в кортике военно-морского офицера с линкора «Императрица Мария», с поисками сокровищ, заговором белогвардейцев и прочим, прочим? В январе этого года исполняется 105 лет со дня рождения ее автора – Анатолия Наумовича Рыбакова. Он родился в Чернигове, но рос на Арбате, учился в школе в Кривоарбатском переулке, а позднее поступил в МИИТ. Но в 1933 году его исключили из комсомола и отправили в пятилетнюю ссылку по статье «контрреволюционная агитация и пропаганда». Неизвестно, что такого мог наболтать 22-летний парень, но эта ранняя ссылка спасла ему жизнь, не имея права проживать

в больших городах, Рыбаков не попал в мясорубку Большого террора. Он работал по провинциям шофером, заведующим гаражом, начальником автохозяйства. И всю войну проехал за рулем фронтальной полуторки от первого до последнего дня, от Москвы до Берлина: возил боеприпасы на передовую, а в тыл раненых, был под обстрелом и под бомбежками, принимал участие в боях, был награжден медалью «За боевые заслуги» и орденами Отечественной войны обеих степеней. За храбрость с него была снята судимость, и это позволило ему к сорока годам нормализовать свою жизнь и заняться литературной деятельностью. За первый же свой роман «Водители» он даже получил Сталинскую премию. Настоящая слава пришла с публикацией и последующей экранизацией книг для юношества – «Кортик», «Бронзовая птица», «Выстрел» и «Приключения Кроша». Анатолий Наумович был очень порядочным человеком. Свои книги, которые сочли бы антисоветскими, он не отсылал за границу, а складывал «в стол» до лучших времен. И они для Рыбакова настали – в годы перестройки огромную всенародную популярность принесли ему «Дети Арбата» – книга о трудной судьбе молодежи 30-х годов и страшная книга «Тяжелый песок» о Холокосте.

ЮБИЛЕЙ МАЙИ ЧИБУРДАНИДЗЕ

Известная грузинская шахматистка родилась в Кутаиси 17 января 1961 года. С самого детства она была сверходаренным ребенком: судите сами, научилась читать в три года, а с пяти лет с легкостью выполняла арифметические действия с трехзначными числами. Естественно, что после блестящего завершения среднего образования, Майе не составило труда поступить в мединститут и окончить его по специальности «кардиология». Но перед этим произошло то, что не только стало личным достижением, но и составило славу ее родины – Грузии. В десять лет она стала чемпионкой Грузии, в двенадцать была включена в состав сборной Советского Союза в матче с Югославией, где показала стопроцентный результат, выиграв все четыре партии у взрослого международного ма-

стера. А в 1978 году в Пицунде состоялся матч за звание чемпионки мира по шахматам между Ноной Терентьевной Гаприндашвили и семнадцатилетней Майей Чибурданидзе, который завершился победой юной соискательницы. Так закончилась шестнадцатилетняя гегемония гроссмейстера Гаприндашвили, и началось четырнадцатилетнее правление Майи. Это был легендарный грузинский тридцатилетний шахматный феномен, когда представительницы небольшой страны доминировали на мировом шахматном Олимпе с 1962 по 1991

годы. Они разыгрывали чемпионаты между собой – не только Гаприндашвили с Чибурданидзе, но и неуступчивые претендентки Нана Александрия и Нана Иоселиани. Как шутили в шахматном мире, превратили первенство мира в чемпионат Грузии. Мы поздравляем Майю Григорьевну с юбилеем и желаем здоровья и творческих успехов!

«КАЖДОМУ НА РУСИ ПАМЯТНИК – ДОБРЫЙ КРЕСТ»

Сколько ни ругают эстраду за несерьезность, легкомыслие и неадекватность, иногда все-таки случаются исключения, и появляются хорошие песни на хорошие стихи, а не какие-то простенькие тексты. Так случилось с прекрасным полновзвучным поэтом Николаем Рубцовым – на его стихотворения были написаны песенка-шлягер Александра Барыкина «Я буду долго гнать велосипед» и «В горнице моей светло» на музыку Александра Морозова. Спасибо эстраде – так имя Рубцова стало известным и тем людям, кто не часто раскрывает поэтические книги. И вот сейчас, 27 января – в день восьмидесятилетия Николая Михайловича Рубцова – поэта глибо-

кого, подлинно русского, с очень непростой судьбой, на его родине в Вологде состоится большой концерт со множеством «звезд». По традиции вход будет свободным. И не только там в этот день будут петь песни и читать его стихи, но и во многих городах – Рубцова помнят и любят.

МОЦАРТ НА ВСЕ ВРЕМЕНА!

В 260-тилетнюю годовщину великого Моцарта вовсе не хочется пересказывать его биографию или перечислять самые популярные его произведения – об этом написано в бесчисленных изданиях от монографий до пластиночных буклетов. И вообще, что нового можно о нем сказать? Что внешне был непривлекательным, был маленького роста, любил грубые шутки, певчих птиц и свиные котлеты? Что имел вздорный характер и абсолютно не считал денег в кармане? Да, наверное, для кого-то он был невыносимым, как многие гении. Но все это развеивалось с первой же ноты его музыки. Феномен Моцарта магнетизирует по сию пору любителей «теории заговоров», мифологизирующих его жизнь и его внезапную смерть. Но, вероятно, происходит это всего лишь оттого, что люди, как дети, не получили сказки «со счастливым концом». Вот и ищут происки загадочного «черного человека», заказавшего «Реквием». Или всемогущих масонов, которым не понравилась опера «Волшебная флейта». Или несчастного Сальери, который, как доказано, вовсе не

убивал Моцарта, а был, напротив, его добрым приятелем. А виной всему, вероятней всего, был сам Моцарт, избравший судьбу свободного художника и бывший при жизни тем, кого в двадцатом веке назвали бы «эстрадной звездой». А в последующие века его имя превратилось в роскошный бренд. Но Моцарт был для человечества и подарком Господним. Его творчество было настолько совершенным, что из его 626 дошедших до нас произведений «слабых» или сомнительных фактически нет.

«ЖИЛ НА СВЕТЕ РЫЦАРЬ БЕДНЫЙ...»

А еще в нынешнем январе исполняется 125 лет необычайному поэту гениального дарования, трагической судьбы и, по мнению современников, «абсолютно поэтического слуха». Он был совсем не чужим нашему прекрасному городу, которому посвятил чудеснейшие строки «Мне Тифлис горбатый снится». 15 января 1891 года родился Осип Эмильевич Мандельштам. Его юбилею наверняка будут адресованы многие статьи, эссе и стихи. Посему тут мы только упомянем об этой важной для русской словесности дате. И вспомним нескладного и гордого Щелкунчика из катаевской книги воспоминаний «Алмазный мой венец». А еще на память приходят строки Арсения Тарковского, посвященные Мандельштаму: «Эту книгу мне когда-то/ в коридоре Госиздата/ подарил один поэт,/ книга порвана, изъята,/ и в живых поэта нет./ Говорили, что в обличье/ у поэта нечто птичье/ и египетское есть;/ было нищее величье/ и задерганная честь...»

«Ангелы революции»

МЕЙНСТРИМ И АРТХАУС КИНЕМАТОГРАФА

■ **Инна БЕЗИРГАНОВА**

Знаменитая «Франкофония» Александра Сокурова открыла очередной, пятый по счету, Тбилисский открытый кинофорум, основанный осенью 2010 года Международным фондом искусств и межкультурного диалога в партнерстве с продюсерским центром «Кинопроцесс», Константином Лузиньяном-Рижинашвили и Гией Базгадзе (почетным президентом был избран Эльдар Александрович Рязанов – увы, недавно мы простились с великим режиссером).

В этом году подавляющее большинство привезенных на фестиваль картин относились к категории «копродукция». То есть, в их производстве приняли участие кинематографисты разных стран. Это отражает современные тенденции развития кино.

На фестивале было представлено 30 картин в рубриках «Фестивальный мейнстрим», «Молодое кино», «Региональная панорама», «Пристальный взгляд: Украина», «Представляет МКФ «Золотой абрикос», «Грузинская панорама». Памяти кинорежиссера Бахтиера Худойназарова, ушедшего из жизни в этом году, был посвящен показ фильма «Лунный папа», снятого по сценарию Ираклия Квирикадзе. Вспоминали и классика мирового кинематографа Сергея Эйзенштейна: тбилисцы увидели легендарный «Броненосец «Потемкин» и провокационную арthouseную биографическую драму

«Эйзенштейн в Гуанахуато» Питера Гринуэя (Нидерланды-Мексика-Финляндия-Бельгия-Франция), вызвавшую немало споров. Свои картины представили известные российские режиссеры Станислав Говорухин (социально-психологическая драма «Конец прекрасной эпохи») и Вера Глаголева (драма «Две женщины» по мотивам пьесы И.Тургенева «Месяц в деревне»).

Заслуживающей самого пристального внимания была программа украинских кинематографистов – «Песнь песней» Евы Нейман, «F 63.9 Болезнь любви» Дмитрия Томашпольского и Алены Демьяненко (Украина-Франция-Россия), «Тот, кто прошел сквозь огонь» Михаила Ильенко.

Картина «Шрам», показанная в программе армянских кинематографистов «Представляет МКФ «Золотой абрикос», объединила Германию, Францию, Италию, Россию, Польшу,

«Орлеан»

Канаду, Турцию, Иорданию. В ней отражены страшные события геноцида армян 1915 года на примере судьбы одной семьи. Фильм, снятый Фатихом Акином в жанре исторического триллера, смотрится с огромным интересом, на одном дыхании. Главного героя, Назарета Манукяна, блистательно играет французский актер алжирского происхождения Тахар Рахим.

В рубрике «Грузинская панорама» показали картину Тинатин Каджришвили «Невесты», несколько раз награжденную на международных фестивалях: в Болгарии, Румынии, Боснии и Герцоговине, Египте. Это серьезная, вдумчивая работа, в которой главную роль сыграла Мариам Кития (актриса Тбилисского театра имени А.С. Грибоедова), трижды отмеченная на фестивалях за лучшую женскую роль. Она играет очень тонко, на полтонах, демонстрируя высокий класс экранного существования. Полуулыбка, едва заметный жест или поворот головы – из всех этих нюансов строится образ Нуцы, молодой женщины, попавшей в сложнейшие жизненные обстоятельства. Героиня М.Кития – жена заключенного, мать двоих его детей – тяжело переживает

эту ситуацию. Однако Нуца – сильная, сдержанная в выражении эмоций, немногословная женщина, прячущая свои страдания от окружающих. Ее партнер в фильме – Серго Буиглишвили – тоже создает неоднозначный драматический образ Гоги. Гога – вовсе не зэк в традиционном понимании этого слова. Это неглупый, по-своему интересный молодой человек, однажды оступившийся и несущий на своих плечах всю тяжесть наказания. За решеткой он многое осознал, передумал. Свои размышления и переживания он выражает в писательстве... Главное – вопреки всему чувства Нуцы и Гоги друг к другу остались прежними. Несмотря на труднейшее испытание многолетней разлукой, когда, казалось бы, невозможно сохранить прежний градус отношений. Драма молодых людей проходит на фоне довольно жестких социальных реалий. В фильме мы видим все недостатки пенитенциарной системы.

Интересные фильмы были представлены в рубрике «Региональная панорама»: «Милый Ханс, дорогой Петр» (Россия-Украина-Великобритания-Германия) Александра Миндадзе, «Под электрическими обла-

ками» (Россия-Польша-Украина) – интеллектуальное кино Алексея Германа-младшего о «лишних людях». О тех, кто во все времена «обладает геном предрасположенности к сложному взгляду на жизнь», как говорит один из героев картины. Именно «лишние люди», по мнению ее создателей, движут нашим столь несовершенным миром, не позволяют ему окончательно рухнуть и провалиться в тартарары. В картине – семь новелл, и в каждой рассказывается именно о таких людях. Они разного возраста, национальности, социального положения, интеллектуального уровня. Объединяет их одно – тот самый ген. И еще недостроенное здание, судьба которого активно обсуждается в фильме: хозяин скоропостижно ушел из жизни и дом обречен... Опять – метафора.

На мой взгляд, эта провидческая картина для интеллигенции и об интеллигенции. Действие происходит в 2017 году. Промозглой зимой. «Под электрическими облаками» тоскливо, серо, холодно и бесприютно. Царит беспредел – убивают людей, происходит тотальная переоценка ценностей, разрываются связи между поколениями

«Пациенты»

ями. Все предельно накалено, наэлектризовано: мир в ожидании большой войны. И как светлячки – «лишние люди», пытающиеся сохранить добро, любовь, красоту, нравственные и культурные ценности.

Еще одно сильное кинопечатление фестиваля в той же рубрике «Региональная панорама» – картина, снятая в жанре роуд-муви «Я не вернусь!». Это очередной пример успешной копродукции: в создании картины принимали участие Россия, Беларусь, Казахстан, Финляндия и Эстония. Фильм снял эстонский режиссер Ильмар Рааг. Думается, во многом успех картины определили две юные актрисы, сыгравшие главные роли – Полина Пушкарук и Вика Лобачева. Фильм о том, что нет ничего дороже и ценнее настоящих человеческих отношений. У героини картины Ани, выросшей в детдоме, есть все шансы взять у жизни реванш, добиться успеха. Будучи совсем юной, она уже аспирантка, читающая лекции по литературе студентам, впереди ее ждут блестящие перспективы. У нее любовник – успешный женатый мужчина, помогающий Ане в

карьере, но отнюдь не стремящийся изменить налаженную семейную жизнь ради молодой возлюбленной. Роковое стечение обстоятельств резко меняет жизнь Ани: из благополучной девушки она в одночасье превращается в бродяжку, скрывающуюся от правосудия. На пути ей встречается Кристина – неприкаянная, одинокая девочка, оставшаяся без родителей и не имеющая крыши над головой. Эта встреча приводит к тому, что Аня по-настоящему взрослеет, резко меняется ее отношение к жизни и к самой себе. Если до знакомства с Кристиной девушка хотела счастья только для самой себя и боялась оказаться в зависимости от привязанности к кому-либо, то после этой судьбоносной встречи она начинает понимать, что значит нести ответственность за другого, заботиться, самоотверженно любить. И она решает начать свою жизнь с белого листа. Тем более, что любимый человек из уже прошлой реальности не выдержал испытания на верность и подлинность чувств.

МОЛОДОЕ КИНО: «ПАЦИЕНТЫ»

В рубрике «Молодое кино» был представлен фильм «Пациенты» – дебютная работа Эллы Омельченко (Россия), уже получившая ряд призов. Это настоящее артхаусное кино. В нем показана неожиданная коллизия, столкновение двух позиций – психоаналитика и священника. Первый внушает писателю Сергею, инфантильному молодому человеку, мысль о кризисе в его семье и необходимости развода с женой, которая якобы подавляет в нем личностное начало. Второй советует жене Сергея Лене во что бы то ни стало, любым путем (к примеру, родив ребенка) сохранить семью – основу общества и государства. В итоге семейный очаг остается нерушимым, зато круто меняются судьбы психоаналитика и священника. Психоаналитик посеял в душе священнослужителя зерна сомнения в правильности его жизненного выбора, и в результате тот отказался от сана. Специалист по психологии, потрясенный случившимся и испытывающий острое чувство вины перед бывшим священником, глубоко задумывается над вечными вопросами бытия и в итоге принимает сан. Фильм затрагивает проблемы выбора, ответственности перед собой и окружающими, незыблемости семейных ценностей и многие другие. А главное, картина – о том, что никогда не поздно начать жизнь заново.

В той же рубрике «Молодое кино» были представлены картины режиссеров из Казахстана, Азербайджана. Почти шокирующее впечатление произвел глубоко пессимистический фильм «Хозяева» Адильхана Ержанова (Казахстан) – о трагической судьбе юных братьев Джона, Ербола и их маленькой сестры Али. Бесчеловечный мир жестоко расправляется с ними. Чудовищные реалии показаны в фильме глазами Ер-

бола и превращаются в какие-то полуфантастические картины из фильма ужасов.

«АНГЕЛЫ РЕВОЛЮЦИИ»

В рубрике «Фестивальный мейнстрим», в которой представляли кинематографические хиты разных стран, была показана картина «Ангелы революции», получившая на Римском фестивале в 2013 году специальный «приз Марка Аврелия будущего». У режиссера картины Алексея Федорченко настолько необычный киноязык, настолько уникальная образность, что его просто невозможно соотнести ни с каким направлением и стилем.

«Ангелы революции» – трагическая история о непонимании. О невозможности совместить две цивилизации, культуру авангарда победившего социализма, носителями которой являются в картине «ангелы революции», режиссеры, архитектор, композитор, скульптор и знаменитая Полина-Революция, и древнее язычество хантов и ненцев. Результатом этой «несовместимости» становится массовая гибель людей с обе-

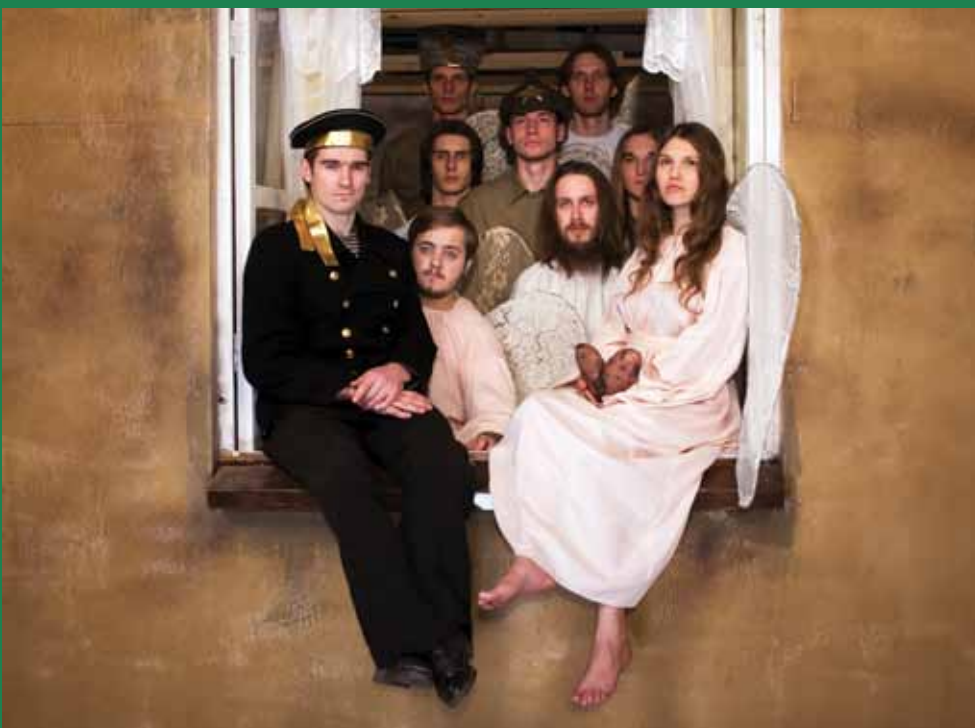
их сторон.

Картину на фестивале представил сам Алексей Федорченко, названный известным киноведем Марко Мюллером «самой оригинальной фигурой в современном российском кинематографе третьего тысячелетия».

– Известный киноведец назвал вас Параджановым малых народов. Как вы относитесь к этому сравнению?

– Параджанов – один из любимых моих режиссеров. Мы работаем в одном направлении – театральном, несколько примитивистском, кичевом стиле. Но «Ангелы революции» – единственный мой фильм, который больше похож на стилистику Сергея Параджанова. А вообще ко всем сравнениям я отношусь не очень хорошо. Если бы я коллекционировал сравнения, то их набралось бы очень много. В Италии меня называли русским Тинто Брассом, говорили, что есть в моей картине «Овсянки» и Феллини, и Кустурица, а я шутил: «Если в кадре есть цыган и курица, то уже Кустурица?». Я отношусь к любым сравнениям спокойно и с юмором.

«Ангелы революции»

– В ваших картинах отражена проблема сохранения национальной идентичности, уникальности культуры, духовной ее составляющей...

– Хотя с детства я очень любил и собирал сказки и у меня собралась огромная коллекция книг по фольклору народов всей Земли, первые мои фильмы были почти неэтническими. И только познакомившись с моим сценаристом Денисом Осокиным, профессиональным филологом и фольклористом, занимающимся северными народами России – финно-угорскими, мы стали делать картины этого направления. Уже сняли вместе с Денисом Осокиным пять фильмов. Когда возникали какие-то истории из этого мира – он был фантастический и совсем мне не знакомый, каждый раз я тщательно изучал, погружался в уникальный материал, становился специалистом в этой области и потом делал фильмы. Поражает в первую очередь то, что все это находится рядом с нами. Это реальность, которую никто не знает. К примеру, до выхода в свет моей картины «Небесные жены луговых мари» практически никто не знал, кто такие луговые мари. Не было такого словосочетания в русском языке. А после фильма это знают все. Я тоже ничего не знал об этом народе, хотя он существует буквально рядом с нами. Я живу в Екатеринбурге, а в Свердловской области мари – это один из многочисленных народов. Они переселились туда еще 500 лет назад. Есть целый район луговых мари, в котором находится много деревень. Это волшебный, удивительный мир, не похожий на наш. И это поражает! А мы настолько любопытны, что не знаем об этом. Хотя сто километров в сторону – и там все другое. Я полюбил этот мир и сделал два фильма на мари́йском языке. Но я не хотел бы заниматься этнокино всю жизнь. Хотя сегодня выстреливают один за

Алексей Федорченко

другим именно эти фильмы... Но есть сегодня и другие темы – недавно завершили работу над сценарием фильма, который будет сниматься на немецком языке, с немецкими актерами. Есть и другой сценарий – украинский.

– Ваш интерес к этнокино объясняется желанием удержать и сохранить эту ускользающую красоту и уникальность культуры?

– Я так высокопарно не думаю – удержать и сохранить! Все по-другому: я просто вижу какую-то конкретную интересную историю, не похожую на то, что было до сих пор, и начинаю ее делать. Как это делать, уже другой вопрос. Часто малый этнос показывают как бы «сверху вниз», с положения старшего, мудрого. Это происходит в том случае, когда этнокино снимают представители другой национальности. В данном случае все эти люди, ставшие предметом изображения, похожи друг на друга. Они как муравьи: иногда спариваются, иногда воюют. Но возникает такая безликая масса! И это общая беда таких картин. Но есть еще другая опасность: снимать «снизу вверх». Это беда тех, кто снимает этнокино о своем народе. Получается смешно и высокопарно. В них соблюдены каноны, к которым нельзя прикоснуться, можно только восхищаться. А снимать надо на равных, уважительно погружаясь в жизнь народа и в то же время немного отстраненно, со стороны – только тогда можно разглядеть что-то действительно интересное.

– Глобализация, цивилизационные процессы способствуют уничтожению культур и языков малых народов, и этот процесс неостановим. О необходимости сохранения культуры малых народов – их национального лица, их языка и фольклора – много писал академик Дмитрий Лихачев. Что вы думаете об этом?

– Да, языки и культуры малых народов неизбежно улетучиваются. Это надо принимать как данность. Потому что глобализация, потому что связи ускоряются и укорачиваются, потому что существуют три главных оружия глобализма: телевизор, самолет и Интернет. То, что захватывает и нивелирует мир. Благодаря чему люди начинают говорить на одном языке. А если пропадают языки, пропадает и культура. Языки исчезают десятками в год. Если их, скажем, 6 тысяч на планете, то в год исчезает триста. И можно составить график исчезновения языков и понять, когда они исчезнут. Если сохранятся такие же темпы развития, прогресса, то мы можем прогнозировать, что в конце концов языков останется... десять. Оборвать связи может только глобальная катастрофа – война, всемирный потоп. И тогда народы снова локализируются, потеряют связи и какие-то новые понятия будут опять называться своими именами, а не внешними. Вообще когда народ новый, он дает имена миру, а когда старый, его захватывает новый мир. Так что с одной стороны, телевизор, самолет и Интернет – это хорошо, а с другой – плохо. Парадокс, но с этим ничего нельзя поделать. Можно только чуть-чуть продвигать культуру, чем мы и занимаемся в кино. Нужно узнавать как можно больше, хранить, представлять немножко архитектуру этого мира, ведь мы ничего не знаем. Да и сами представители малых этносов уже многое не помнят, не представляют какие-то вещи в своей культуре, потому что очень уж долго их оттащивали от всего этого.

– Революцию в России начинали отнюдь не мерзавцы или не только мерзавцы, но и идеалисты, которые искренне верили, что вершат благие дела. Именно такие идеалисты показаны в вашей картине. Но почему-то они погибают сами и приносят несчастье хантам и ненцам.

– В нашем фильме «Ангелы революции» нет отрицательных персонажей. Все существуют в сво-

«Франкофония»

«Под электрическими облаками»

ем мире и имеют свои критерии правды и добра. Беда в том, что эти критерии насаждаются. Твое добро, может быть, никому больше и не нужно. Не делай добро, чтобы не получить зла в ответ. И ханты хорошие, не трогайте их, они живут в своем мире, просто разговаривают со своими духами – больше ничего. И те велют им убить непрошенных гостей, которые считают, что несут хантам и ненцам мировую культуру, накопившиеся достижения цивилизации, а значит, добро. И вот на стыке двух огромных цивилизаций эти люди пали и были раздавлены. Однозначности в оценке случившегося не хотелось бы...

– **Алексей, кто были вашими учителями в профессии?**

– Моя беда, а может быть, и счастье, что учителей, как таковых, у меня и не было. По специальности я экономист, окончил инженерно-экономический факультет, работал достаточно долго заместителем директора по экономике, был хорошим бухгалтером, имею пятнадцать рабочих машиностроительных специальностей. Кино оказалось на моем пути совершенно случайно. Первый документальный фильм и первую игровую картину я снял совершенно случайно. Поэтому они все такие, так сказать, кривые. В меня никто не закладывал эти схемы, каноны драматургии, не учил, как работать с актерами. Я это не проходил и делал многое интуитивно.

– **Это хорошо?**

– Я считаю, очень хорошо. Наше классическое кинообразование нивелирует человека, и большинство интересных кинорежиссеров не имеют специального образования.

Завершился фестиваль фильмом «Орлеан» Андрея Прошкина, снятым в стилистике фантастического реализма по сценарию Юрия Арабова. В

нем, разумеется, отражены современные реалии, но в сгущенном, метафорическом плане. Возникают самые разные ассоциации – Гоголь, Булгаков... Стивен Кинг. Есть у него такой роман – «Самое необходимое», в котором в заштатном городишке появляется посланник ада, а может быть, и сам дьявол. Он играет на самых низменных инстинктах и слабостях человеческого рода, и в итоге добивается того, что жители городка уничтожают друг друга. Мораль сей басни такова: в самом человеке сидит бес разрушения и уничтожения. Об этом и фильм Андрея Прошкина: в крохотном городке Орлеан, расположенном на берегу соленого озера в алтайской степи, появляется странный господин (в великолепном исполнении Виктора Сухорукова). И призывает грешников к ответу. Чтобы уйти от возмездия, они пытаются уничтожить экзекутора (именно так рекомендуется пришелец). Но он... живуч, его невозможно ни отравить, ни сбить машиной, ни распилить пилой на аттракционе. Как нельзя все это проделать со своей совестью.

По традиции в рамках фестиваля состоялось вручение единственной награды фестиваля – специального приза имени Софико Чиаурели «За вклад в киноискусство». Его обладателем в нынешнем году стал выдающийся грузинский композитор Гия Канчели, отметивший недавно свой 80-летний юбилей. В прежние годы этот приз получили: режиссеры Георгий Данелия и Эльдар Рязанов, актеры Анна Михалкова и Автандил Махарадзе, сценарист, режиссер Ираклий Квирикадзе, актер, режиссер Андрей Смирнов, оператор Михаил Агранович.

Отметим, что фестиваль проводился при поддержке Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ.

Завен Саргсян в гостях у Сергея Параджанова

**ЗАВЕН САРГСЯН:
«ПАРАДЖАНОВ ВСЮ ЖИЗНЬ
СТРАДАЛ ЗА ТО, ЧТО ЛЮБИЛ
КРАСОТУ»**

■ Яна ИСРАЭЛЯН

9 января 2016 года Сергею Параджанову исполнилось бы 92 года. Великий режиссер ушел из жизни в 1990 году в возрасте 66 лет, когда, казалось бы, жизнь начала налаживаться: он приступил к съемкам большого фильма, который давно задумывал снять, одновременно планировал реализовать другие свои сценарии, много лет пылящиеся на полках. Если бы не болезнь, мир увидел бы еще не один киношедевр Мастера. В Ереване 25 лет работает Дом-музей

Музей Сергея Параджанова в Ереване

Параджанова. Его основатель и директор Завен Саргсян рассказал «Русскому клубу» о том, как строился музей, о фильмах, которые Параджанов так и не снял, и о непростых отношениях режиссера с советской властью.

Наверное, каждый, кто посещал дом-музей Параджанова на окраине Еревана, согласится, что через час-другой прогулки по залам и разглядывания работ великого режиссера, начинаешь ощущать его незримое присутствие. В этой особенной атмосфере музея и в том, что он сегодня работает и принимает многочисленных гостей – неоценимая доля его основателя и директора Завена Саргсяна. Профессиональный фотограф, он дружил с Параджановым 12 лет. О себе Завен рассказывает мало, о Параджанове – долго и увлеченно. Его воспоминания о режиссере тоже в своем роде часть экспозиции музея, пусть неосязаемая, но очень ценная. Прерывать рассказ директора журналисты не осмеливаются – это скорее не интервью, а воспоминания о старом друге: о том, как он рос, творил, любил и дарил любовь. Отдельные, неизвестные широкой публике эпизоды из жизни Мастера в рассказе Завена складываются в своеобразную мозаику – подобно коллажам Параджанова, развешанным тут же, на стенах музея.

МУЗЕЙ: С ЧЕГО ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

– После смерти Параджанова мы собрали около 300 работ – одни купили, другие получили в дар. Надо сказать, что Сергей знал себе цену и то, что обладает необычным даром. Когда-то давно, 30 лет назад в Киеве он подарил кому-то свою работу и сказал: «Потом продать ее в мой музей – заработаете неплохие деньги».

Музей открылся в 1991 году, но на бумаге – в 1988 году. Я тогда был директором музея народного искусства, которое Сергей любил и в котором разбирался. В те годы власть все еще опасалась имени Параджанова. Когда в 1985 году он привез в Ереван «Сурамскую крепость», я пригласил секретаря ЦК по идеологии, чтоб они познакомились. Тот явно не хотел знакомиться с режиссером, побаивался. Сергей это чувствовал. Тем не менее в 1988 году тут открылась выставка Параджанова, которая имела колоссальный успех. Приехали его друзья – огромные делегации из Тбилиси, Питера, Москвы, Киева. Тогда же я обратился к Карену Демирчяну (первому секретарю ЦК КП Армении – *Я.И.*) с просьбой создать музей Параджанова и решить вопрос со зданием. Это была трудная задача – сейчас, когда все перешло в частные владения, она, наверное, вообще бы не решилась. К чести Демирчяна, буквально через несколько дней вышло постановление горсовета построить в Ереване дом-музей Параджанова. Выделили два здания, почти готовых (их выбирал сам Демирчян): в одном Сергей должен был жить, в другом – разместился бы музей. Правительство выделило 40 000 рублей (тогда большие деньги), чтобы музей приобрел часть работ Параджанова. Ведь он всю жизнь нуждался – и в Киеве, и в Тбилиси ему нередко помогали соседи. Но и он не оставался в долгу. Однажды мы привезли ему рыбу с Севана. Сергей стал ее чистить и тут же распределял вслух, какой кусок кому из соседей отдать – все раздал.

В те годы, когда создавался музей, было тяжелое время – война, блокада, отсутствие условий. В Ереване тогда гвоздя нельзя было достать. Еще в советское время я начал строить дачу, но не достроил. Остались строительные материалы, дерево, металл – все привез сюда. Из-за землетрясения строительство приостановили. Сергей переживал – понимал, что болен и может не застать. Возобновили стройку в 90-ом, когда он лежал в больнице, здесь, неподалеку. Приходил сюда, что-то мне рисовал, но, к сожалению, музей открылся через год после его смерти. Мы успели с ним вместе собрать две экспозиции. Под его руководством это было легко, заканчивать без него – сложно. Но, по-моему, получилось неплохо.

Завен показывает на коллаж в красивой раме, где на фотографии изображена красивая девушка с ожерельем на шее, и продолжает рассказ:

– Это его первая жена. Когда Параджанов учился в Москве, он влюбился в эту девушку. Она

работала в обувном отделе ЦУМа. Ходил, часами любовался ею. Оказалось, что она татарка, была обручена еще в детстве с одним татаринцом, и ее семья восстала против отношений с Сергеем. Но он, видимо, был очень настойчив – она ушла из дому, они расписались. Вахтерша-армянка на Мосфильме дала молодоженам в общежитии комнату, но они прожили в ней всего две недели. Братья девушки отомстили за то, что она ослушалась родителей – связали ее и бросили под поезд. Тело опознали по вот этому ожерелью. Это очень тяжелая история – особенно для такого человека, как Параджанов. Мы узнали о ней позже. А тогда Сергей просто принес этот коллаж на выставку, сказал «это моя первая жена» и все. Расспрашивать его мы не стали – он не любил, когда ему задавали лишние вопросы. Позже, когда с помощью Довженко его отправили на киевскую киностудию, он влюбился в 17-летнюю школьницу, красавицу Свету Щербатюк. Ему было 31. У них родился сын. Света с сыном и сейчас в Киеве, но они часто бывают здесь.

АРЕСТЫ, ТЮРЬМА, ОСВОБОЖДЕНИЕ

Мы переходим в другой зал, где большинство работ, созданных Параджановым в тюрьме.

– Сергей творил и в тюрьме. Материала там было мало, он использовал все, что было под рукой – вырезки из газет, высушенные растения, куски проволоки. Потом признавался – он думал, что умрет в тюрьме. И даже создал коллаж – «Я и мой католикос, или оплакивание кинорежиссера», где его оплакивают на фоне горы Арарат. Параджанова арестовывали два раза – и оба раза из-за публичного выступления. Вообще, то, что у него дома бывали «стукачи», знали все – и он сам, и его друзья. Недавно мы получили рассекреченные материалы из КГБ Украины. Там записано все, что он говорил на киевской киностудии – вплоть до таких мелочей, как «из школы забрал ребенка». Зафиксирован также случай, когда он подарил сыну своего друга кинжал и сказал: «Вот держи, будешь убивать им коммунистов». Все доносилось, но на это закрывали глаза. А публичные выступления были опасны.

В 1971 году по приглашению Петра Шелеста (первого секретаря ЦК КП Украины – *Я.И.*), которому Параджанов нравился, Сергей поехал в Минск на слет творческой молодежи. Этого делать было нельзя. Другая республика, 300 человек в зале. Три часа Параджанов говорил все, что думает. Конечно, чекисты записали и донесли, куда надо. Этого власти ему не простили. В 1972 году Сергей в Ереване собирается снимать фильм об Андерсене «Чудо в Оденсе», но его сын в Киеве заболевает тифом, и Параджанов летит на Украину. Там его арестовывают. Без объяснений. Света ждала его в больнице – он должен был принести еду. Когда не пришел, стали искать. Только через неделю узнали, что его арестовали. Дома провели обыск. Па-

Экспозиция музея

раджанова обвинили в торговле иконами и антиквариатом, что, в принципе, было правдой. Ему не на что было жить – он покупал в Черновцах, в Ужгороде мебель, привозил в Тбилиси или Ереван и продавал. После ареста за рубежом поднялась волна протеста. На Каннском фестивале был создан комитет «Свободу Параджанову». Бергман, Феллини, другие именитые режиссеры просили советские власти освободить Сергея: у нас в музее хранятся копии этих писем. Тогда власти решили по-другому – ему поменяли обвинение. Нашли двухметрового верзилу, некоего Воробьева, который заявил в суде, что Параджанов его изнасиловал. Все понимали, что это ложь. Сергею присудили пять лет строгого режима. Попав в тюрьму с такой тяжелой по тем временам статьей он, тем не менее, смог расположить к себе сокамерников – таким большим обаянием обладал. Три раза его переводили из лагеря в лагерь, чтоб сделать отбывание как можно более тяжелым. Многие пытались помочь Параджанову, но получилось только у Лили Брик. Она его обожала. У нас в музее есть их тюремная переписка, мы даже издали ее. Лиля была настойчи-

вой женщиной. Она подключила своего зятя Луи Арагона, который из-за чешских событий 1968 года не хотел приезжать в Москву, где ему должны были вручать советскую премию. Лили уговорила Арагона поставить советскому руководству условие, что он приедет, только если отпустят Параджанова. Сработало – Брежнев хоть и с трудом, но пошел на это. Параджанова выпустили, но фактически это был домашний арест. Ему не разрешили жить в Киеве, где была семья, Ереване и Москве.

Второй его арест тоже связан с публичным выступлением. В 1981 году Любимов пригласил Параджанова в Москву на свой спектакль, посвященный годовщине смерти Высоцкого, которого Сергей очень любил и называл его «Пушкин сегодня». На показе, где были также представители власти, Параджанов сказал лишнее. На другой день его вызвали:

– Это стенограмма вашего вчерашнего выступления. Тут подчеркнуты несколько строчек. Вот вам карандаш – можете стереть их. И будем считать, что вы этого не говорили.

Параджанов взял бумаги, зачеркнул весь текст, оставил неза-

черкнутыми только свои слова. Вскоре по возвращении в Тбилиси его арестовали – за дачу взятки при поступлении племянника в театральный институт. Но Тбилиси – не Киев, и 1983 – не 1971. Тонино Гуэрра мне рассказывал, что когда в тот год случайно встретился с Шварцманом в Боржоми, сказал ему: «Сейчас Москва вашими руками пытается изолировать Параджанова. Зачем вам такое пятно на вашей истории?» Шварцман был умным человеком. Параджанова выпустили из тюрьмы и дали снимать фильм – хоть не по его сценарию, но все же мы были рады, что он работает.

«САЯТ-НОВА, ИЛИ ЦВЕТ ГРАНАТА»: ЗАМЫСЕЛ И ИСПОЛНЕНИЕ

– Параджанов приехал в Киев в 1952 году. Кино тогда было под сильным прессом государства. Молодой режиссер не мог снять задуманное. Фильмы заказывались, учитывая задачи партии. Параджанов снял там четыре фильма, которые запрещал нам смотреть – о колхозной жизни, шахтерах, послевоенной Украине. Он знал, что это слабое кино.

Но за фильм «Украинская рапсодия» ему обещали квартиру. Парадокс жизни Параджанова в том, что пока он был обычным советским режиссером, никому не мешал, а когда снял фильм, который сделал его знаменитым, начались проблемы. 15 лет ему не давали снимать кино, хотя у него было 20 с лишним сценариев. Многие его идеи использовали потом другие режиссеры. На одном из автопортретов 1963 года Параджанов изобразил себя в ботинках, в которых надо бы идти в гору, но на картине он в замкнутом пространстве в украинской вышиванке на фоне церкви. Это предчувствие тюрьмы. Через 10 лет его действительно посадили. А пока воодушевленный успехом он собирается снять антивоенный фильм о Киеве. Когда 7 ноября 43-го года Сталин отдал безумный приказ освободить Киев, погибло около миллиона человек, советские граждане. Параджанов задумал снять об этом фильм «Киевские фрески», где хотел показать бессмысленность войны. Фильм сразу запретили – он успел только 20 минут кинопроб отснять.

В 1966 году Сергей задумал снять в Армении новаторский фильм – без сюжета и диалога, по принципу мозаики, в которой каждый кусок в отдельности не имеет смысла, а в целом получается картина. Когда он поделился идеей с друзьями, ему сказали – «тебе не дадут снять, должен что-то придумать». И Сергей придумал: «Я сниму кино про Саят-Нова – его любят и в Армении, и в Грузии, и в Азербайджане». Хотя сам Саят-Нова Параджанова мало интересовал. Детство, родители, мать, домашний очаг, церкви, молитвы, сельский труд, несчастье, любовь, успех, неудачи, смерть так на примере жизни одного человека он показал страну со своими обычаями, бытом, верованиями. Министр кино посмотрел и сказал – но это же не про Саят-Нова. «Тогда поменяйте название», – предложил Сергей. Назвали «Цвет граната». Фильм вышел с большим трудом. Было много сокращений, он

был непонятен публике. Но, как бы то ни было, он был задуман полностью Параджановым – от костюмов до музыки. Пожалуй, это лучший фильм об Армении. Да и о Грузии тоже.

«ПОХОРОНЫ ПАРИКМАХЕРА»

– Я работал на телестудии и знаком со многими режиссерами. Но слово «режиссер» ассоциируется у меня только с Параджановым. Для него все вокруг было театром. Расскажу, как хоронили его зятя – мужа сестры, который работал парикмахером. Когда Жора умер, Сергей куда-то пропал, никому ничего не сказав. Вернулся вечером с какой-то сумкой. Оказывается, он весь вечер ходил по городу, собирал ножницы. В день похорон раздал их соседям, и когда выносили гроб, они стали щелкать ножни-

цами – так Параджанов устроил сцену «Похороны парикмахера».

Как-то к Сергею пришли две женщины, соседки. «Батону Серго, мама умерла. Вот ее фотографии. Посоветуйте, какую из них увеличить для похорон». Он их разложил и говорит: «Вот тут у нее красивые ухо и глаз, тут – рот». Когда они поняли, что он предлагает им сделать коллаж, молча встали и ушли.

БОЛЕЗЬ И ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ

– Несмотря на тяжелую жизнь, он ни разу ни на что не жаловался. Наоборот, он, как магнит, притягивал к себе людей. Параджанов говорил: «Моя жизнь, как «Травиата» – когда Альферд приходит, Виолетта умирает». Когда он был готов снимать «Демона» на тбилис-

С.Параджанов. Коллаж «Нато Вачнадзе»

С.Параджанов. Коллаж «Моление об Овнатаняне»

ской студии, а Киев предложил ему снимать «Слово о полку Игореве», о котором он давно мечтал, сам Сергей начинает снимать автобиографический фильм «Исповедь». На второй день съемок в Тбилиси ему стало плохо. Он попал в больницу. Фильм закрыли. Возможно, в развитии болезни есть немного и его вина – он поздно обратился к врачам. Годом раньше, в 88-ом, мы были в Азербайджане на съемках «Ашик-Кериба». Как-то вечером ему стало очень плохо. Он признался мне, что у него из горла идет кровь, но просил никому об этом не говорить. Я не смог тогда уговорить его обратиться к докторам. К врачу он пошел только через год, когда ему становилось все хуже и хуже. Он пошел один: «Если вы пойдете со мной, врачи вам скажут правду, а мне нет». Мы ждали его дома. Когда вернулся и мы спросили, что ему сказали, он ответил: «Ничего не сказали, но меня вышли провожать пять профессоров, никто из которых не смотрел в глаза». Все было понятно. Софиико Чиаурели и Виктор Джорбенадзе уговаривали его поехать лечиться во

Францию. Виктор уже и письмо написал по-французски. Сергей сначала согласился, а через несколько дней заявил: «Я верю в советскую медицину». И полетел в Москву оперироваться. Врачи вырезали легкое и назначили химиотерапию, пообещав, что «вы будете жить 15 лет». Но он сбежал из больницы. Ему становилось все хуже и хуже. Метастазы пошли в голову.

«Я ЗАРАЖЕН КРАСОТОЙ»

Мы переходим из зала в зал. Завен, останавливаясь то у одного коллажа, то у другого, подробно о них рассказывает: каждый из них ему дорог, каждый доставался с трудом, за каждым – своя история.

– Вот паровоз, сделанный из совершенно не подходящих для этого предметов. Он в некотором роде символизирует Советский Союз – едет в коммунизм, а на деле пыхтит, гудит и никуда не едет. А вот – портрет Нато Вачнадзе, После того, как она погибла в автокатастрофе, которую, по некоторой версии, устроил Берия, Параджанов со-

брал композицию «20 шляп по мотивам несыгранных ролей Нато Вачнадзе». Так он выразил свой восторг и преклонение перед грузинской актрисой.

У Параджанова была колоссальная творческая энергия. Он как-то произнес фразу, которая делает понятным многое: «Мне запретили снимать кино – я начал делать коллажи. Коллаж – это спрессованный фильм». Искусство намека, символизма в коллажах было близко Параджанову. Он вообще очень быстро работал. Если возникала идея, тут же ее воплощал. Работал с любым материалом – даже с мусором. Покупал в уцененных магазинах рубашки и разрисовывал их. Однажды подобрал крышки от молочных бутылок и ногтем нацарапал рельефы, превратив их в монеты. Сейчас копия этого параджановского талера – приз ереванского кинофестиваля. Сергей любил мастерить куклы. Многие из них сняты в «Сурамской крепости» и «Ашик-Керибе». Последнюю куклу он делал, когда уже был больным. Он назвал ее «Параджанов в раю».

Говорят, Сергей не читал книг – да, он не любил процесс чтения. Если ему надо было, он сажал, бывало, и меня, просил почитать и тут же представлял себе прочитанное. Школьные друзья Параджанова, с которыми я встречался, говорят, что Сергей еще в школе был большим выдумщиком. Когда Параджанов что-то рассказывал, у него всегда переспрашивали: «Это правда?» А он отвечал: «Я это додумал». В «Тени забытых предков» он придумал вещи, которые потом стали народным обычаем гуцулов – например, когда Иван женится второй раз, невесте на шею надевают ярмо.

У Параджанова было два любимых слова – «доброта» и «красота». За них он и страдал всю жизнь. Сергей говорил: «В красоте есть высший смысл. Я заражен ею, не могу ее не замечать. Я создаю красоту из ничего».

Материал подготовлен в рамках пресс-тура для грузинских журналистов, организованного Фондом «IDEA»

Одесский русский драматический театр

ДИРЕКТОР ОТВЕЧАЕТ ЗА ВСЕ

Александр Копайгора

■ Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ-ШАДУРИ

Вот уже 13 лет Александр Копайгора ведет сквозь штормы свой прекрасный корабль – Одесский академический русский драматический театр. Капитан корабля, он един в двух лицах: и директорствует, и осуществляет художественное руководство. Эта не жажда власти, отнюдь. Исходя из здравого смысла, получается, что это потребность в лишней головной боли. Ведь мало кто из нас по доброй воле взвалит на себя груз ответственности за все. За все! А он взвалил. Отвечает за каждый винт, вкрученный в декорацию, за каждое слово, произнесенное со сцены, за каждый проданный или, не дай бог, не проданный билет. Он читает и выбирает пьесы, обновляет репертуар, комплекзует труппу, придумывает театральные праздники, делает ремонт, организует гастроли... То

есть делает все-все-все, чтобы зритель приходил в театр снова и снова, чтобы театр жил и чтобы он был самым лучшим. На меньшее Копайгора не согласен.

У него настолько серьезная репутация и известное имя, что ему, ей-богу, «не к лицу и не по летам» прививать. Поэтому он позволяет себе роскошь не красоваться и всегда говорить правду. А говорит он вот что: театром должны заниматься сумасшедшие люди.

Он из таких. Ну а как, скажите на милость, назвать человека, который занимается театром, как говорит его друг, Николай Свентицкий, «25 часов в сутки и всю жизнь»? Без перерывов, отгулов и выходных дней? Сумасшествие, сплошное сумасшествие!

Беседовать с ним – одно удовольствие. Он по-одесски остер на язык и по-директорски точен

и убедителен. Шутит, что может говорить долго. А я из тех слушателей, которые могут долго слушать. Не знаю, наговорился ли Александр Евгеньевич, но я не наслушалась. Мне оказалось мало.

– 23 октября ваш театр отпраздновал 140-летие. Поздравляем вас!

– Спасибо.

– Как поживает театр?

– Грех жаловаться. Наш театр сегодня – самый посещаемый в Одессе. Для нас аншлаги – норма. К этому мы шли много лет. Когда я пришел в театр, то за очень короткий промежуток времени полностью поменял репертуар. Мы начали ставить по восемь премьер в сезон. Да, два спектакля потом из репертуара вылетали. Но у меня есть сила

Гости Конгресса русских театров зарубежья в Тбилиси

воли не держать мусор в репертуарном листе – избавляюсь от него не задумываясь. Мне говорят – да это же убытки! Отвечаю: когда зритель увидит плохой спектакль и больше к нам не придет – вот это убытки. Терять зрителя категорически нельзя. Сегодня у нас в репертуаре 25 спектаклей. В месяц играем 22-24 раза. Но детские постановки я перестал делать вообще.

– Это позиция?

– Конечно, нет. Долгое время я работал по городской программе «Уроки искусств». Блестящая была программа. Мы ставили спектакли для детей разных возрастов. Для малышей – сказки. Для тех, кто постарше – «Вождь краснокожих», «Александр Маринеско. Атака века». Для старшеклассников – «Пушкин в Одессе», «Барышня-крестьянка». За 12 лет мы воспитали своего зрителя. Дети, которые когда-то смотрели сказки, успели вырасти и приходили к нам со своими детьми. В силу разных обстоятельств программу закрыли. Но я верю, что она возобновится. Результат того стоит.

– Вы, хоть и называетесь директором, еще и худрук?

– Так складывается. Хотя в свое время вопрос с художественным руководством я решил так: создал международную режиссерскую коллегию. Вначале пригласил выдающегося мастера Леонида Хейфеца. Он привел своего ученика Алексея Литвина, за которым в Одессу приехали Сергей Голомазов, Алексей Гирба, Михаил Чумаченко. Это ученики Марка Захарова, Андрея Гончарова. Они дали очень мощный толчок русскому театру. Коллегия проработала в течение 11 лет, сделала свое дело

и как-то ушла сама собой. За этот период многое изменилось, и сейчас у нас – своя коллегия, своеобразный худсовет при директоре, куда входят режиссер нашего театра, завтруппой, главный художник и завлит. У нас идут «Гамлет», «Sex-тет в летнюю ночь» – микс из «Сна в летнюю ночь» Шекспира, Вуди Аллена и Фрейда. Мы сделали удивительный спектакль – «Уездная канитель» по 15-ти рассказам Чехова. Елена Пушкина соединила чеховские рассказы сюжетно и по персонажам. Главные персонажи одного рассказа становятся второстепенными в следующем и так далее. И еще она ввела роль глухонемой прачки, которой нет у Чехова, но которая объединила весь спектакль от начала до конца. Хорошая постановка получилась. Идут два спектакля по Гольдони – мюзикл «Труффальдино» и музыкально-драматический «Забавный случай», где во всю ширь гуляет народный артист Олег Школьник. Если говорить о чистой комедии, то это «Одесса у океана» Шендеровича. С ней мы объездили Украину, Россию, Германию, Израиль...

– А есть спектакль, который вы могли бы назвать визитной карточкой театра?

– Это, пожалуй, «Дядя Ваня» Леонида Хейфеца. Фантастический спектакль. Он не кассовый. Но это образец мастерства. У нас 11-й год постоянно на аншлагах идет мюзикл «Вий». Есть зрители, которые смотрели этот спектакль по 50 раз.

– Да ну!

– Абсолютная правда. И поклонники соревнуются между собой, кто сколько раз посмотрел «Вий».

– Каково вообще положение русских театров

в Украине?

– Они живут нормально. Позиция вице-преьера и министра культуры Вячеслава Кириленко очень четкая и однозначная. В ответ на призывы некоторых журналистов о том, что хватит играть на русском языке, министр заявил: нет, мои дорогие, русские театры – это составная часть украинской культуры. Это не российские, а русские театры, которые работают в тех зонах, где востребован русский язык. Да, несколько театров вильнули хвостом и перешли на два языка. А мастодонты остались верны себе – Киев, Одесса, Николаев, Харьков.

– На тбилисской конференции, посвященной русским театрам за рубежом, руководитель Русского театра Литвы Ионас Вайткус заявил, что его театр начал играть на двух языках. Главный режиссер Азербайджанского русского театра Александр Шаровский в ответ сказал, что в таком случае русский театр перестанет быть русским театром.

– Правильно сказал. В Вильнюсе есть Национальный Литовский театр. Он работает, как и положено, на своем родном языке. Но если есть русский театр, то, ребята, как бы вам ни было сложно, вы должны работать на том языке, которым называется театр. У меня был интересный разговор с Александром Григоряном, главным режиссером Ереванского русского театра. У них 99, 9 зрителей – армяне, говорящие на армянском языке. И они приходят в русский театр – слушают мелодику русской речи, учатся русской культуре. Более того, Григорян запретил в театре разговаривать на армянском языке, потому что это автоматически переносится на сцену. Я убежден, что в русском театре ни в коем случае не должен существовать языковой микс. Одесса – русскоязычный город, но легкий украинский акцент у артистов присутствует. Поэтому я не раз привлекал педагогов из ГИТИСа именно по сценической речи. Понимаете, если мастерство есть, оно есть. Если актер хочет работать, он будет работать. А вот речь надо править.

– Как поддерживают ваш театр? Вот в Риге, например, существует «Общество гарантов русского театра».

– В Латвии, как ни в одной из прибалтийских республик, большое количество русских. И очень много состоятельных русских бизнесменов. А к нам отношение такое: сами выкручивайтесь. Я обращался не раз – не помогают. Почему я провел 140-летие нашего театра очень красиво, но очень скромно? Попросту не хватило финансов.

– Поехать на гастроли затруднительно?

– Куда угодно можно поехать. Кроме России. Надо лишь иметь финансы. Но сегодня никто не даст денег. Все региональные театры для Министерства культуры – это далекая планета. Если бы власть на местах была заинтересована в том, чтобы театр являлся визитной карточкой города, области, то они бы помогли. Тем более, это не большие деньги. Но они не заинтересованы. Нас финансируют по остаточному принципу. Спорт на предпоследнем месте, культура – на последнем. А потом возмущаемся – почему у нас нет хороших спортсменов?

Куда они делись? Да ведь у нас школы потеряны! То же самое происходит с культурой. Театр как-то биткается, говоря по-украински. То есть – бьется. Как та лягушка в молоке, мы взбиваем масло. Другого пути я не вижу и не понимаю. Надо делать хорошие спектакли и самим зарабатывать деньги. Постоянного мецената, который помогает, у меня нет. У вас есть. Николай Свентицкий молодец. Он смог сохранить русский театр, «Русский клуб» – и это при всей сложности режима Саакашвили, который сейчас у нас раскачивает лодку.

– Быть директором – талант или этому можно научить?

– Думаю, нельзя. Конечно, каким-то основным моментам научить можно. Я пытаюсь это делать, чтобы было кому подхватить у меня эстафету. Я же не вечный.

– Кто знает!

– Нет, не вечный... Простой смертный. Но у меня накопился настолько огромный опыт, что меня трудно удивить. Я заведомо знаю, что должно произойти и как. Хорошие директора – всегда хорошие психологи. Я сегодня с утра читал новости в фейсбуке и мне попался тест – определить по глазам настроение человека. Фотографии десяти пар глаз и четыре варианта ответов на каждое фото. Мой результат – 10 из 10-ти. Я не ошибся ни разу. Как в том хорошем анекдоте про царя Ивана Грозного: «У нас даже в летописях записано, что Иван Грозный своим боярам кричал – да я вас всех насквозь вижу! Так что рентген мы первыми придумали».

– А в чем специфика вашей профессии? Директор театра и директор гастронома – это, на-

Сцена из спектакля «Вий»

«Сех-тет в летнюю ночь»

верное, разные вещи.

– Надо очень любить театр. Надо быть сумасшедшим. Надо любить артистов. Но дело в том, что артист по природе своей – абсолютно непростой человек. Всегда привожу простой довод, когда мне начинают жаловаться на артистов. Спрашиваю: скажи, ты сможешь выйти на сцену? В ответ: ну, не знаю... А актер выходит. Сегодня играет комедию, завтра – трагедию, послезавтра – поет, через два дня – танцует. Нормальный человек на такое способен? Это могут только ненормальные люди. Вообще, моя профессия только внешне кажется легкой. На самом деле она очень тяжелая.

– Голову надо сохранять холодной?

– Иногда ее надо взрывать. Не может человек все держать в себе. Он должен иногда свои эмоции выплеснуть по полной программе. Иначе все это в конечном итоге отразится на сердце и мозгах. На людях не выплескивай. Запрись и ори что есть сил. Копить негатив ни в коем случае нельзя, его необходимо выбрасывать.

– Как должны складываться отношения директора с труппой? Я где-то прочла, что Марк Захаров, например, никогда не дружит со своими артистами, обращается к ним по имени-отчеству и на вы.

– Наверное, это правильно. У меня очень хорошие отношения с несколькими артистами. Но на свой день рождения я их никогда не приглашаю. На юбилей зову тех, кого мне приятно видеть. Человек пять-шесть. Артисты очень быстро садятся на голову. Если ты с ними выпьешь, сразу переходят на «ты». Да это и не самое главное – на «ты» разговаривать или на «вы». Главное – ни в коем случае не подпускать близко. Надо держать дистанцию. Директор должен оставаться загадкой. Им не надо знать, какое решение я приму в тот или иной момент. Сейчас идут серьезные споры о том, кто

должен быть главным в театре – художественный руководитель или директор? Я задаю элементарный вопрос: кто в театре подписывает финансовые документы и кто, грубо говоря, сядет в тюрьму?

– Директор.

– Именно. Что будет проверять ревизия? Художественный уровень спектаклей? Нет, бухгалтерию – правильно ли расходуются средства. Вот и ответ. Он на поверхности. Да, я понимаю, что иногда в театре встречаются две очень сильные личности, и начинаются жесткие столкновения – кто главный? А ответ, как мы с вами убедились, простой.

– Значит, лучше, чтобы театром руководил один человек?

– Думаю, что нет. Театр – не завод. И главное – это творчество. Просто так сложилось, что я разбираюсь в пьесах, спектаклях. Мне говорят иногда: у вас нет театрального образования, почему вы определяете репертуар? Отвечаю: потому что я знаю мой город, моего зрителя, понимаю, что ему нравится, что не нравится. И самое главное – я никогда не работаю на потребу. Я работаю только на качество, которое приносит театру славу.

– Но при этом думаете и о том, чтобы билеты были проданы?

– Обязан. В 19 часов закрывается касса. В 19 часов 15 минут мне звонят: «Александр Евгеньевич, сегодня такая-то касса». И так каждый день. Скажите, главный режиссер будет этим заниматься? Нет. Он в лучшем случае посидит в зрительном зале, посмотрит спектакль, сделает замечания артистам и уйдет. Ну, оставлю я в репертуаре плохой спектакль – и зритель не придет. А за счет чего я буду доставать деньги для постановки новых спектаклей? И это при том, что область меня финансирует на 92 процента заработной платы. За все остальное – оставшиеся 8 процентов, плюс коммуналка, постановки, текущий ремонт – должен платить я. Поначалу я возмущался. А потом... Не дают денег? Ну и нормально! Заработаем сами. Кроме того, здесь есть еще одна составляющая. Когда тебе дают много денег, ты начинаешь думать по-другому: давай-ка я поставлю красивый спектакль, а если зритель не будет ходить, то и не надо! А я должен думать и о том, чтобы спектакль был красивый, качественный, и о том, чтобы зритель шел в театр.

– Хочу напомнить любимый вами анекдот. Муж пишет жене из командировки: «Каждый раз убеждаюсь – ты лучшая!» Спрашиваю вас не о жене. Вы по-прежнему считаете, что Одесса – лучшая?

– Я коренной одессит. Знаю и помню много разных Одесс. Каждый период чем-то хорош и ценен для меня. 50-е годы – это Одесса моего детства. 60-е – моей юности. В детстве тебе все кажется розовым. Ты многого не замечаешь и не понимаешь. Только с годами начинаешь осознавать и давать оценку событиям и людям... Сегодня Одесса другая, не та, что прежде. Она начала растворяться в конце 80-х, когда пошел массовый отъезд евреев за рубеж. Уходит колорит, цимес, стиль разговора,

особенности взаимоотношений. Что всегда отличало Одессу? У нее был свой язык, который создавался 132-мя национальностями, которые проживали в Одесской области и должны были говорить на одном языке. Получался невероятный микс. А почему, как вы думаете, у нас очень красивые женщины? Потому что метиски. Смешение кровей дает красоту. Кстати, у моей дочки смешанный брак – с грузином по фамилии Кахидзе. В среднем и старшем поколении одесситов еще есть чувство прекрасного. Но оно потихоньку уходит. Я боюсь, как бы со временем Одесса не стала обыкновенным провинциальным городом. Просто городом областного подчинения. Думаю, что компьютеризация тоже сыграла свою роковую роль. Раньше мы много читали, и это давало свои плоды. А читать в компьютере – пустое дело. Щелкнул и пролетело мимо. А книгу можно перелистать, вернуться к прочитанной странице. Кто сегодня по-настоящему прочитает «Войну и мир»?

– **Зато прочтут в интернете краткое содержание, да еще с предупреждением – читается за 35 минут.**

– Вот вам и ответ. А я, например, прочитал «Тихий Дон» четыре раза. От начала до конца.

– **Вы посмотрели нашу премьеру – «Ревизор»...**

– К классикам надо обращаться. Ничего не делаешь. Тот же Гоголь – какой он современный! Авто поставил интересный и спорный спектакль. Он рискнул сместить акценты и сделать главным персонажем не Городничего, а Хлестакова. Но мне кажется, что три с лишним часа – это долго. Я знаю, что такое долгий спектакль. У нас шел мюзикл «Степан Разин». Сумасшествие! 3 часа 55 минут. И очень хороший спектакль был похоронен по одной-единственной причине. Он был очень длинный. Люди среди спектакля уходили, чтобы успеть на последние маршрутки. Поэтому сейчас всем режиссерам я ставлю одну задачу: делайте что хотите, но я вам даю вместе с перерывом и бурей аплодисментов 2 часа 30 минут. И все. Это максимум. В конечном итоге спустя полтора года режиссер сделал этого же «Степана Разина» продолжительностью 2 часа 33 минуты. Выбросили лишнее. С режиссером я, конечно, разругался. А потом снова пригласил ставить. Это Георгий Ковтун. Потрясающий режиссер из категории сумасшедших. Он как-то ставил в оперном театре. Артисты выпендривались. И тогда он схватил свое режиссерское кресло и как запалил в них! Они врассыпную. А два огромных зеркала в репетиционном зале – вдребезги. И все сразу стали шелковые. Более того – благодарили его за то, что он так поступил. Да, Ковтун такой.

– **Я знаю, что вы не только стараетесь ставить классные спектакли, но и придумываете особые манки.**

– Каждый год, несмотря на то, что у нас православный театр, мы отмечаем День святого Валентина. Когда-то мы предложили загсам, чтобы в этот день они у нас в театре расписывали молодые пары. Нам отказали. И тогда мы придумали «Свидетельство о гражданском браке». 14 февраля по-

«Одесса у океана»

казываем веселый яркий спектакль и расписываем не менее 60-ти пар. Очередь стоит! Все театрализовано – молодоженов расписывает святой Валентин, менестрель поет песни, бегают амур с луком и стрелами, всех приветствует принцесса... В общей сложности за несколько лет мы расписали около 360 пар самых разных возрастов. Многие пары, расписавшись у нас, затем регистрируют брак в загсе, а потом приходят к нам уже с детьми, просто для того, чтобы сказать «спасибо»... А еще мы празднуем день Ивана Купалы. В этот день в фойе стоит красивая арка в цветах, пол покрыт свежескошенной травой, молодые актрисы и волонтеры плетут веночки. Поем песни, водим хороводы. Астрологи и хироманты предсказывают будущее. Продаются обереги, разные сувениры. Зрители фотографируются с любимыми героями спектакля «Вий» Хомой и Панночкой. Сил нет, как красиво! И это только несколько праздников. И вообще, театр – это праздник. По правилам в театр приходят в вечерних платьях, костюмах... А сегодня мы запрещаем вход зрителям только в майках и шортах. Усредняется посетитель. Зритель теряет кайф от того, какой интерес производит на окружающих. Ежедневная роба не делает различия между работой и театром. На открытии I международного Одесского кинофестиваля М.Жванецкий, посмотрев на зрителей, прошедших по красной дорожке, сказал: «Во-первых задача первого фестиваля выполнена все посмотрели вокруг и увидели, кто во что одет и произвели впечатление...» Текст примерный. Вот я хочу дожить до того момента, когда в театр зрители будут ходить в сменной обуви и в вечерних платьях. А пока среднее арифметическое по стране, не только нашей.

– **Если все вернуть назад, вы изменили бы свою жизнь?**

– Никогда у Бога не проси счастья, когда оно у тебя есть. Повторил бы со всеми приятностями, неприятностями, ужасами и радостями, болезнями и выздоровлениями, взлетами и ... слава Богу не было падений. Прошел бы этот путь снова, снова и снова.

Фото Гога ЧАНДИРИ

«ЗА ГОРАМИ, ЗА ЛЕСАМИ, ЗА ШИРОКИМИ МОРЯМИ...»

■ **Инна БЕЗИРГАНОВА**

Тбилисский государственный русский драматический театр имени А.С. Грибоедова по уже сложившейся традиции приготовил к Новому году сюрприз для маленьких зрителей – красочное музыкальное представление «Конек-Горбунок» по сказке Петра Ершова (видному российскому поэту и драматургу недавно исполнилось 200). Грибоедовцы показали публике живописный спектакль, оставивший целостное «сказочное» впечатление. На успешный результат сработало все: сценография, музыка, хореография, режиссерское мастерство и актерская игра. И, конечно, ершовский текст. Местами кажущийся несколько «шершавым» для уха современного зрителя, но любимый и знакомый с детства.

Художника Айвенго Челидзе представлять излишне: это опытный мастер, оформивший не один спектакль на разных сценических площадках. Для «Конька-горбунка» он создал стилизованную в духе русского народного искусства декорацию. В ее центре – образ фантастической, ярко раскрашенной радуги-дуги, по которой передвигаются сказочные персонажи (идею воплотил на сцене настоящий театральный волшебник – заведующий постановочной частью Александр Цветков). Радуга живет своей сказочной жизнью – меняет месторасположение на сцене, вращается. На заднике сцены, вверху – нечто, рождающее ассоциации со сказочным градом Китежем, мессианистическим городом, находившимся, по легенде, в северной части Нижегородской области, около села Владимирского, на берегу озера Светлояр. Слева и справа от условного русского города – солнце и луна, тоже стилизованные под фольклор.

Не менее эффектны и сказочны костюмы, в которые наряжены герои спектакля. Их «сочинила» художник Наталья Кобахидзе, вложив в свою работу максимум любви и фантазии. Особенно впе-

чатлило обличье Жар-птицы, в образе которой предстала пластичная Нина Нинидзе.

Яркая «оболочка» мюзикла, «начиненного» красивыми, запоминающимися мелодиями Тенгиза Джаиани и восхитительными танцами в постановке Гии Маргания, не отвлекает от сути происходящего на сцене, а напротив – придает всему праздничность. Отметим стремительный ритм действия – события без малейшей пробуксовки следуют одно за другим, так что у зрителя просто нет шанса заскучать, только смотри и внимай. В качестве сказительниц выступает замечательная четверка – актрисы Анна Николава, Анастасия Гарматюк, Наталья Воронюк и Медея Мумладзе, хорошо поющие и танцующие. В программке они определены как «пугала» – в спектакле весьма обаятельные фольклорные персонажи.

А главных героев в спектакле – Ванюшку и верного ему волшебного Конька-Горбунка – играют молодые артисты, студент театрального вуза Давид Котов, и уже успевший проявить себя в качестве перспективного актера Мераб Куси-

Сцены из спектакля «Конек-Горбунок»

кашвили. Можно поздравить их обоих с достойными работами. Мераб Кусикашвили обладает, без преувеличения, пластикой «гуттаперчевого мальчика». Неплохо справились со своими небольшими ролями Данилы и Гаврилы – это братья Вани – Владимир Новосардов и Деметрэ Накопия. Необходимо отметить и удачные дебюты студентов Кристины Бериашвили, Гванцы Шарвадзе, Михаила Гавашели, Софии Чалашвили. Хочется верить, что в недалеком будущем они интересно заявят о себе на грибоедовской сцене.

Рядом с молодыми – актеры опытные. Валерий Харютченко играет капризного и влюбчивого царя «без царя в голове». Ему «надоело быть царем», и самодержец пытается жить «по-человечески». Однако, оставшись, по сути, ребенком, немолодой царь и ведет себя соответственно – пускает мыльные пузыри, властно требует то одного, то другого, по-юношески влюбляется в Царь-девицу (ее сыграла нежная и сладкоголосая Хатиа Бериашвили). А порой проявляет жестокость и бесчеловечность, заставляя Ванюшку «принять три ванны» – опуститься в котлы со студеной, кипящей водой и молоком с экспериментальной целью: хочет во что бы то ни стало стать вновь юным и стройным.

Грозный чернобровый, вооруженный кнутом Городничий в исполнении мастера острого рисунка Арчила Бараташвили – традиционный сказочный злодей, интриган. Им движет зависть к успеху Ванюши при царском дворе. Зависть убийственная, испепеляющая. За интриги и был наказан страшной смертью – в тех самых котлах.

Голосом любимца публики Миши Арджеванидзе говорит в спектакле роскошный кит, то бишь, царь-рыба – к восторгу маленьких зрителей, глаз не отрывающих от этого «чуда-юда».

Поздравим Вахо Николава, представившего на суд зрителей уже не один детский спектакль. Все они пользуются любовью зрителей. Несомненно,

Сцена из спектакля «Рождественская сказка»

менно, «Конек-Горбунок» полюбит публике так же, как и «Алые паруса», «Аленький цветочек», «Рождественская сказка», «Маугли». Две последние постановки украсили нынешнюю новогоднюю афишу наряду со спектаклями «Двенадцать месяцев» (режиссер Дмитрий Павлов) и «Морозко» (режиссер Линда Урбонавичюте).

В дни новогодних каникул детям покажут до сорока спектаклей театра имени А.С. Грибоедова, вручат подарки. Думается, они останутся довольны – и тем, и другим. Ведь грибоедовцы, поддерживаемые МКПС «Русский клуб», никогда не разочаровывали свою публику.

У новогодней елки в Грибоедовском театре

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

СНИМАЕМ ШЛЯПУ!

Счастливей месяц январь! Сразу три грибоедовца отмечают в этом месяце юбилейные даты.

Аполлон Кублашвили пришел в Грибоедовский театр ровно 10 лет назад. Ему было 25 лет. И сразу сыграл звездную роль в одном из лучших спектаклей Автандила Варсимашвили – Мастера в «Мастере и Маргарите». И понеслось! Одна за другой последовали главные роли – яркие, самобытные. Подколесин в «Женитьбе» Н.Гоголя, Киттель в «Гетто» Дж.Собола, Князь Серпуховской в «Холстомере» Л.Толстого, Бусыгин в «Старшем сыне» А.Вампилова, Хлестаков в «Ревизоре» Н.Гоголя. Неизвестно, как Аполлон все успевает. Но успевает. Он ведущий актер не только Грибоедовского, но и Свободного театра. Снимается в кино, и даже умудрился сыграть в картине оscarоносного Мишеля Хазанавичуса. Снимаем шляпу перед талантом и энергией!

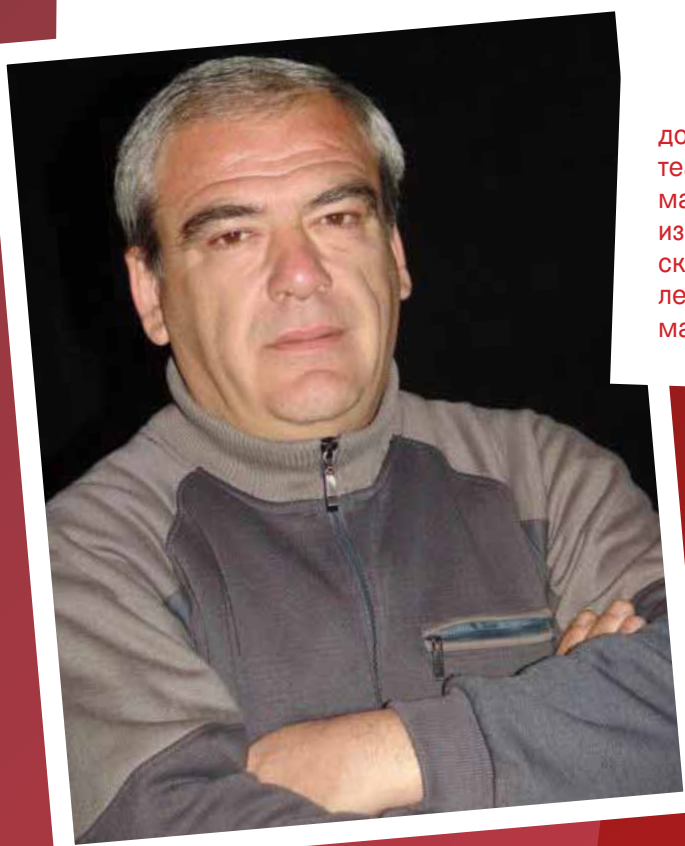

Сразу по окончании Театрального института Арчил Бараташвили был приглашен в Театр им. Руставели, где играл Чехова и Шиллера, Диккенса и Бюхнера. А с 2004 года актер, на наше счастье, работает в Грибоедовском. За эти годы количество сыгранных ролей уже перевалило за 20. Получается – по две новых роли каждый год! Арчилу по плечу любой жанр. Посмотрите, какой он разный, свободный и стопроцентно убедительный в сказках «Аленький цветочек» и «Алые паруса», в драме А.Островского «Гроза», в трагикомедии Шекспира «Зимняя сказка», в мюзикле «Карьера Артуро Уи» Б.Брехта, в пушкинской трагедии «Дон Гуан» («Каменный гость»). А уж как он сыграл Лопахина в «Вишневом саде»! Снимаем шляпу перед энергетикой и стилем!

Каждому поезду требуется локомотив. Каждому локомотиву необходим машинист. Нашим театральным локомотивом управляет главный машинист сцены Нодар Ашкарелашвили. Один из старейшин театра, он пришел в Грибоедовский 22-летним юношей и работает здесь уже 38 лет. Без сбоев, без опозданий, без аварий. Снимаем шляпу перед опытом и постоянством!

Коллективы МКПС «Русский клуб» и Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова сердечно поздравляют юбиляров и желают здоровья, благоденствия и творческого долголетия!

Тифлис. 1920-е гг.

«Я трогаю старые стены...» Тифлис: удивительные встречи

■ Владимир ГОЛОВИН

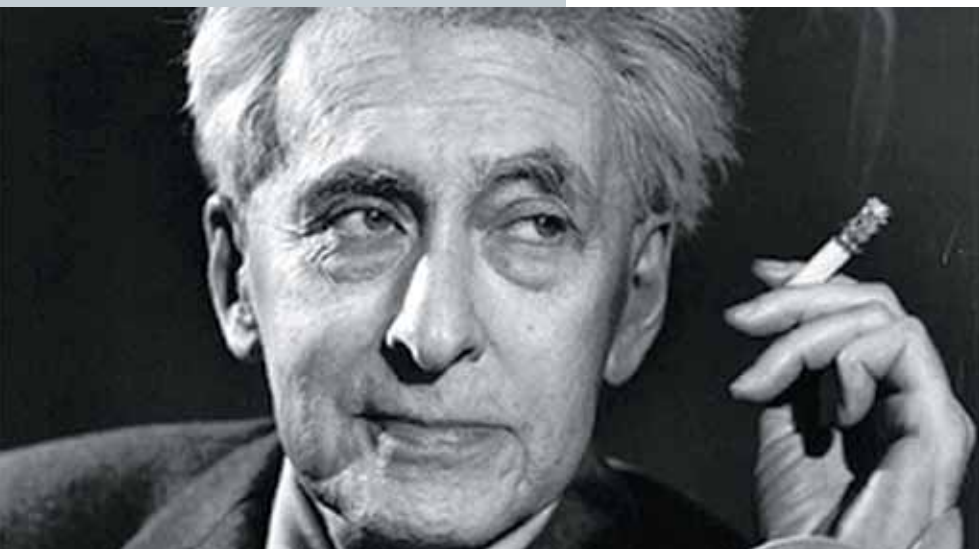
Этому писателю советская власть позволяла и прощала очень и очень много. Лишь за малую часть того, что было в его жизни, люди шли под расстрел или в лагеря. А он стал одним из лучших литераторов СССР. И прежде, чем мы встретимся с ним на грузинской земле, будет интересно посмотреть на колебания маятника его долгой жизни. Настолько долгой, что в литературной судьбе его даже сравнивали по «выживаемости» с долголетием Анастаса Микояна в политике. И уж если речь зашла о советском правительстве, вспомним Ленина, а конкретней, о данном им прозвище — «Илья Лохматый». Именно так «вождь мирового пролетариата» обозвал писателя, которого нам предстоит увидеть в Тбилиси в первой половине минувшего века... Итак, сначала о том, что было чуждо

Кремлю в этом человеке.

Он долго живет за границей «под буржуазным влиянием», в 1909-1910-х годах, и именно ему принадлежит знаменитая фраза «Увидеть Париж и умереть». В своих парижских журналах он издевается над русскими социал-демократами, в том числе и над Лениным. Затем уже пришедшего к власти Ильича и его соратников резко и систематически критикует в Москве в 1918-м, говоря о «гноси и мерзости» революции. При Временном правительстве лично Керенский назначает его помощником военного комиссара Кавказского военного округа. Он убегает от большевиков в Украину и в Грузию, вернувшись в Москву, арестовывается ЧК как агент Врангеля. Спасает его Николай Бухарин, с которым они учились в одной школе. Он же помогает «Лохматому» уехать из СССР в

«творческую командировку», и в Бельгии тот пишет роман, в котором называет Ленина «Великим инквизитором». По возвращении — дружеские отношения с другими «врагами народа» и «иностранными шпионами» (погибшими позже): Львом Каменевым, Федором Раскольниковым, Всеволодом Мейерхольдом, Тицианом Табидзе, Паоло Яшвили, Осипом Мандельштамом, Перецом Маркишем, Исааком Бабелем, Михаилом Кольцовым... Кстати, двух последних вынудили дать показания против него. Его произведения защищал Карл Радек, личный враг Сталина, и обличал в «Правде» сам начальник Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Георгий Александров. Согласитесь, от всего этого веет расстрельными приговорами. Но...

Живя за границей, он, по словам Михаила Кольцова,

монопольно ведает связями с иностранными писателями. Находясь в Париже, не только избирается делегатом 1-го Съезда советских писателей, но и играет там одну из центральных ролей. Он пишет много писем Сталину, тот прислушивается к его предложениям о создании международных писательских форумов, выгодных советской власти. И «Лохматый» становится организатором и активным участником Антифашистских конгрессов писателей в защиту культуры в Париже и Мадриде. В Испании, на гражданской войне, он работает спецкором «Известий», в 1941-м выдвигает знаменитый лозунг «Убей немца!», пишет популярнейшие репортажи и очерки с фронта. После войны он – знаковая фигура в советской культуре, депутат Верховного Совета СССР, вице-президент Всемирного совета мира, лауреат трех Сталинских премий – двух по литературе, одной международной «За укрепление мира между народами». И единственный не арестованный член Еврейского антифашистского комитета.

Документы свидетельствуют: Сталин не раз хотел «посадить» его. Во время борьбы с «космополитами» «Лохматого» перестают публиковать, а высокий партийный чин заявляет на одном из собраний, что он уже «разоблачен и арестован». Но писатель посылает вождю просьбу разъяснить свое положение. И в ответ ему звонит секретарь ЦК ВКП(б) Георгий Маленков: все обвинения сняты.

Такова эта неординарная

личность. То, каким образом этой личности удалось выжить, – отдельная тема для исследований историков, литературоведов и политологов. Мы же просмотрели кадры большой и противоречивой жизни вот почему. Этот талантливый писатель трижды приезжал в Грузию, и каждый раз – в одной из тех самых противоположных ипостасей, о которых уже шла речь. Первый раз – в 1920-м, запуганным интеллигентом Ильей Григорьевичем. Второй раз – через шесть лет, уверенным «попутчиком» советской власти. В третий раз, в страшном 1937-м – именитым товарищем Эренбургом. И каждый раз Грузия поражала его до глубины души.

Впервые он приехал весьма сложным путем, убежав и от красных, и от белых. Убедившись, что в гражданской войне нет добрых и справедливых. Из Киева отправился в Коктебель к Максимилиану Волошину: «Его дом казался мне убежищем». Но война не оставляет и там, в полуголодной жизни, скрашиваемой беседами с хозяином дома, Вересаевым, Осипом Мандельштамом. Сначала уезжает Мандельштам, его врангелевцы арестовывали по подозрению в шпионаже. Затем – и сам Эренбург. Оба – в независимую Грузию, у которой с белым Крымом торговые, а с Советской Россией – дипломатические отношения. Оттуда поэты надеялись, минуя фронты, вернуться в Москву – без нее они, все же, не могли...

На суденышке, грузежном солью, Илья Григорьевич с же-

ной Любой и близкой знакомой Ядвигой Sommer сквозь шторм добираются до Сухуми. И первый же город Грузии их очаровал, «показался невыразимо прекрасным». В Тифлисе, куда они приезжают поездом, эйфория спадает: «Куда идти? Где посольство? И где Москва? Мы несколько растерялись в чужом городе, без документов, без денег». Но Тифлис ведь славится удивительными встречами, одну из них он дарит и Эренбургу со спутницами. Они уже добрались до центра города, аж до Головинского проспекта, как навстречу им – Мандельштам. Он и в Грузии был арестован контрразведкой, уже – по подозрению в шпионаже на белых, из батумского узилища его спасли поэты-голубороговцы. Они же помогли Осипу Эмильевичу обрести себя в местной жизни. И он настолько уверен в их гостеприимстве, что сразу же заявляет встреченным друзьям: «Сейчас мы пойдем к Тициану Табидзе, и он нас поведет в замечательный духан...»

Надо признать, что это – весьма действенный рецепт для восстановления душевного равновесия многих приезжих литераторов. Тициан «восторженно вскрикивал, обнимал всех, читал стихи, а потом побежал за своим другом Паоло Яшвили». Так

За год до приезда в Грузию

Стоят справа налево: И.Эренбург, О.Мандельштам, сидит П.Яшвили. Тифлис. 1920

Эренбург встречается со своим парижским знакомым – они с Паоло виделись пять лет назад, в знаменитом кафе «Ротонда» на Монпарнасе. Он признается: «Увидев Паоло в Тбилиси, я ему обрадовался, как однополчанину, хотя наша встреча в Париже была случайной и беглой». В духане, поразившем приезжих уже подзабытыми яствами, Паоло и Тициан рассказывают о своем поэтическом ордене «Голубые роги», заполняют вином настоящие рога, а затем... ведут гостя на концерт в консерваторию. И тот смутно помнит, как лежал там в комнате «среди арф и лент от венков»...

На следующий день – еще одна удивительная встреча. В российском посольстве выдаются визы, хотя Эренбург приехал из белого Крыма и пламенным революционером никак не являлся. А жизнь в «старой, замызганной гостинице» ничуть не омрачает пребывание в Тифлисе. Две недели, проведенные в этом городе, «когда грузинские друзья приютили, пригрели», кажутся Илье Григорьевичу «лирическим отступлением» в его нелегкой жизни тех лет. Обеды и ужины в лучших духанах города Табидзе и Яшвили организуют «с роскошью средневековых князей». Эренбург потрясен:

«Названия грузинских яств звучали, как строки стихов: сулгуни, сопхали (очевидно, «цоцхали – В.Г.), сациви, лоби. Мы ели форель, наперченные супы, горячий сыр, соусы ореховый и барбарисовый, куриные печенки и свиные пупки на вертеле, не говоря уже о разноликих шашлыках. В персидских харчевнях нам подавали плов и баранину, запеченную в горшочках. Мы проверяли, какое вино

лучше – телиани или кварели. Никогда дотоле я не бывал на Востоке, и старый Тбилиси мне показался городом из «Тысячи и одной ночи». И все это – при том, что денег у Тициана и Паоло не было. Что ж, о том, как выходят из такого положения тбилисцы, принимающие гостей, известно только им самим...

Торговый район Майдан кажется Эренбургу нескончаемым. А вот – впечатление, которое вполне можно перенести в наши дни, на «блошинный рынок» у Сухого моста: «Там продавали бирюзу... английские пиджаки и кинжалы, кальяны и граммофоны, пахучие трапы... портреты царицы Тамары и доллары, древние рукописи и подштанники. Торговцы зазывали, торговались, расточали цветистые комплименты, клялись жизнью многочисленных домочадцев». Конечно же, не обходится без знаменитых серных бань и кутежей в Верийских садах, где «нетерпеливая Кура играла с красными и желтыми огоньками, а на столе благоухали тархун и киндза». В духанах гости сидят под еще не попавшими в музей картинами Пиросмани, в храмах любуются древними фресками, в старом городе видят шиитский праздник-самоистязание «шахсейвахсей», а на соседней с ним улице слышат, как рабочие читают большевистские листовки... «Различные века сосуществовали в этом удивительном городе, – резюмирует Эренбург. – ...Тбилиси был случайным полустанком, на котором остановился поезд времени».

Все время он проводит с новыми друзьями, те дарят ему «Сборник тифлисского цеха поэтов»,

Фото И.Эренбурга после ареста по приезде из Тифлиса

Илья Эренбург в 1930-е гг.

который он хранит много лет, в чем абсолютно прав: сейчас эта книга – ценный раритет. А тогда на страницах сборника ему особо запоминаются местные поэтессы, вернее, их псевдонимы: Нина Грацианская, Бел-Конь-Любомирская, Магдалина де-Капрелевич... Он восхищается Паоло и Тицианом, которых сразу полюбил, их дружбой, их индивидуальностью:

«...Эта дружба оказалась долговечней литературных школ; и погибли они вместе. А до чего они не походили один на другого! Паоло был высоким, страстным, чрезвычайно энергичным, умел все организовать – и декларацию «Голубых рогов», и обед в духане. Стихи у него были живые, умные, крепкие. А Тициан поражал мягкостью, мечтательностью. Он был красив, всегда носил в петлице красную гвоздику; стихи читал нараспев, и глаза у него были синие, как горные озера. Трудно понять поэзию в переводах. Я слушал стихи и погрузински. Тициан, помню, сказал мне, что поэзия – обвал. Много лет спустя я прочитал в переводе его стихотворение, где были строки:

*Не я пишу стихи. Они, как повесть, пишут
Меня. И жизни ход сопровождает их.
Что стих? Обвал снегов. Дохнет –
и с места сдышит,
И заживо схоронит. Вот что стих...*

Кажется, в этих словах раскрытие Тициана, его чистоты, приподнятости; был он прежде всего поэтом...

Яшвили и Табидзе прекрасно знали, любили русскую и французскую поэзию... Они сломали старые формы грузинской версификации. Но трудно, кажется, найти поэтов, которые так бы любили свою родину, как они. Их можно было глубоко порадовать, сказав, что то или иное грузинское слово выразительно, заметив горный цветок или улыбку девочки на проспекте Руставели. О том, что они были прекрасными поэтами, можно теперь прочитать в любом справочнике. Мне хочется добавить, что они были настоящими людьми».

И еще одно признание после того первого приезда в Тифлис: «Тициана и Паоло любили многие русские поэты – и Есенин, и Пастернак, и Тихонов, и Заболоцкий, и Антокольский. А мы были первыми советскими поэтами, которые нашли в Тбилиси не только душевный отдых, но романтику, ощущение высоты, толику кислорода – я говорю и о горах и о людях, нельзя ведь отделить Паоло и Тициана от окружавшего их пейзажа».

Оба провожают его до первого перевала на Военно-Грузинской дороге, и всю жизнь в ушах Эренбурга «звучит высокий, пронзительный голос Тициана: «На холмах Грузии лежит ночная мгла; На холмах Грузии лежит ночная мгла; Шумит Арагва предо мною...»

Второй раз он появляется в Тифлисе в 1926-м, проведя шесть лет в «творческой командировке» в Европе. Вообще-то, возвращаясь в СССР, он задумывает поехать туда, где еще не был – на Урал и в Сибирь. Но на такую поездку денег не хватает, и приходится отправляться по хорошо знакомым местам – в Харьков, Киев, Гомель, Одессу, Ростов-на-Дону и Тифлис. Там еще остались связи, можно организовать выступления с чтением новых рассказов. Что же касается Грузии, то он открыто признает, что «приехал к Тициану и Паоло». Снова круг голубороговцев, в котором у него появляется новый друг – Гигла Леонидзе, снова застолья, беседы, прогулки. И, конечно, выступления перед публикой. Впечатлений опять полным-полно. И, открыв 30 сентября 1926 года газету «Заря Востока» мы можем прочесть о том, что испытывает Илья Григорьевич:

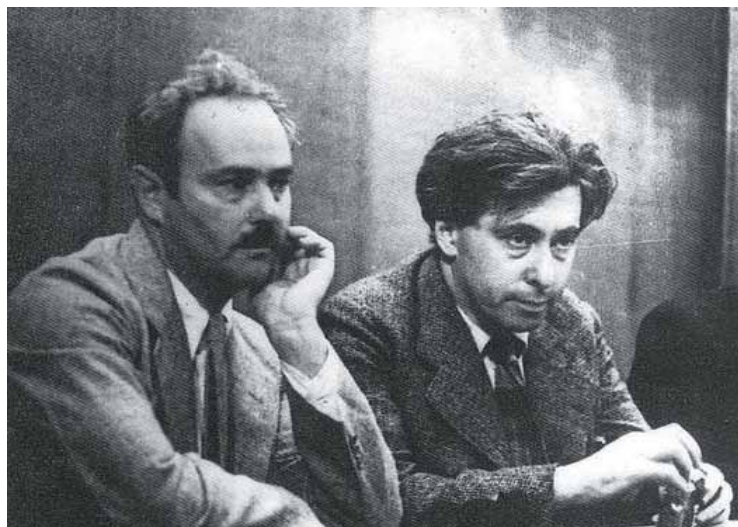
«Условимся: горы не только астма альпиниста, не только семейные охи любителей каникулярной красоты. Это еще некоторое беспокойство природы, ее требовательность, которая глубоко соответствует человеческому естеству... Звери и лозы Ананурского монастыря резвятся, зреют, живут. На них любовно смотрят пастухи и звезды. В Верийских садах зурна плачет, как любимая женщина, голос которой нельзя не узнать и через тысячу лет. Пусть поэты «Голубых рогов» любят Рембо и Лотреамона; неискушенные души повторяют их стихи доверчивым девушкам возле могилы Грибодова, когда в одно сливаются созвездия астрономов, огни Солоник и взволнованные зрачки. А на стенах духанов истекают кровью арбузы, написанные Нико Пиросманишвили...»

Напечатано это уже после отъезда Эренбурга из Тифлиса, а полностью впечатления о приезде на берег Куры под заглавием «Грузия» появляются через пару лет в ставшей библиографической редкостью книге очерков «Белый уголь или Слезы Вертера». А еще по итогам этой поездки в том же 1928-м публикуется рассказ, поражающий тем, что он – поистине провидческий. Напечатали его лишь один раз, в малотиражной книжечке «Рассказы», изданной в Ленинграде благодаря помощи Константина Федина и Николая Тихонова. Больше его в СССР не печатали, несмотря на интерес, проявленный гораздо более влиятельным товарищем автора – Николаем Бухариным. Есть такой термин «говорящее название», и именно оно у этого рассказа: «Веселый Паоло». А содержание просто потрясает.

Герою рассказа – грузинскому писателю – сообщают, что «органы» перехватили компрометирующее его письмо, и ему грозит гибель. Но он не хочет бежать, скрываться, и устраивает прощальный пир, на который, помимо друзей, зовет и своего заклятого врага, работающего в ЧК. А ночью, после застолья, его арестовывают и расстреливают... Ничего себе сюжетик, даже для относительно «некровожадных» 1920-х? По мнению многих литературоведов, «за внешней благодушной обстановкой Эренбург уже ощутил запах большой крови и смог написать рассказ так, что не почувствовать этого нельзя». Обычно его произведения охотно перепечатывали «толстые журналы», но у этого рассказа иная судьба. В «Новом мире» его приняли, но затем так перепугались, что заявили: рукопись потеряна. Даже всевластный пока Бухарин не рискнул печатать «Веселого Паоло» в журнале «Прожектор», который редактировал. Он уже конфликтовал со Сталиным и явно не хотел лишний раз рисковать. А ведь до страшной второй половины 1930-х было еще далеко...

Впрочем, уже в тот год, когда Эренбург ездит по Украине, югу России и Грузии, широко практикуются беспощадные «партийные чистки», во многом определяющие жертв будущих расправ. Илья Григорьевич беспартийный, но литературная критика подчеркнута называет его «господином Эренбургом» – столько лет прожил среди капиталистов! К тому же создается впечатление: его интересует не столько то, что революция принесла огромной стране, сколько то, что она не изменила. И он, делясь впечатлениями об этой поездке, старается подчеркнуть, что большой по-

Сборник с рассказом «Веселый Паоло»

Илья Эренбург в президиуме Антифашистского конгресса. Париж. 1935

литикой не занимается. Даже демонстративно и полушутливо пишет: «В России меня больше всего потрясли кошки московских переулков, когда светает, патетичность рек и емкость грузинских желудков». Но в «грузинском рассказе» нет ни шуток, ни веселья вообще. Да и кто скажет, что это – аполитичное произведение?

Идут годы. Эренбург снова встречается с Табидзе и Яшвили – в Москве. И, по его словам, «дружба выдержала испытание временем». А потом ему приходится убедиться, что его страшное пророчество, родившееся, скорее, как грустная фантазия, увы, стало былью. Работая корреспондентом «Известий» на гражданской войне в Испании, он получает приглашение в Тбилиси, на пленум Союза писателей СССР, посвященный юбилею Шота Руставели: «Предложение было соблазнительным: увижу старых друзей – Тициана Табидзе и Паоло Яшвили; будут тамада, тосты, шашлыки. Да и давно я не был в Москве – два года, нужно посмотреть, что у нас делается. В буржуазных газетах пишу, будто много арестов, но это писали и раньше; наверное, как всегда, раздувают... Мне захотелось передохнуть, отвлечься»...

Тем не менее он понимает, то же может ждать и его, он сам присутствовал на судебном процессе, приговорившем к смерти Бухарина и других «правых троцкистов». Но отказ от поездки в Тбилиси вызовет сомнения в его лояльности власти. И хорошо, что он не знает о показаниях, которые Исаак Бабель дал на допросах в НКВД. Прочтем отрывок из них: «Эренбург приезжал в Москву в 1936 и 1938 годах. В связи с прошедшим процессом над зиновьевцами и троцкистами выражал опасения за судьбу своего главного покровителя – Бухарина... В последний его приезд разговор наш вращался вокруг двух тем: аресты, непрекращающаяся волна которых, по мнению Эренбурга, обязывала всех советских граждан прекратить какие бы то ни было сношения с иностранцами, и гражданская война в Испании».

Правда, позже Илья Григорьевич так объяснял свой приезд в СССР: устал быть военным

корреспондентом, захотел «передохнуть, отвлечься», встретить Новый год в Москве. Может, оно и так, но ясно, что участие в тбилисском пленуме Союза писателей было тогда главным: надо доказать, что он – свой среди своих. Но даже при этом он не представляет масштабов репрессий. Неслучайно первый вопрос его дочери Ирины был: «Ты что, ничего не знаешь?». И полночи она с мужем, писателем Борисом Лапиным, рассказывают «о событиях: лавина имен, и за каждым одно слово – «взяли». Эренбург не может успокоиться, при каждом имени спрашивает: «Но его-то почему?». А когда он говорит, что в Тбилиси увидит Паоло и Тициана, изумляется уже его зять: «Вы и этого не знаете? Табидзе взяли, а Яшвили застрелился из ружья»... В «Известиях» своего военкора встречают хорошо, но он не видит ни одного знакомого лица: «Спрашивал, где такой-то. Кто отвечал «загремел», кто просто махал рукой; были и такие, что поспешно отходили».

На следующий вечер Илья Григорьевич отправляется в Грузию. В последний раз. В поездке читает купленные в Москве газеты: «Мирные статьи о труде, о достигнутых успехах иногда перебивались восхвалениями «сталинского наркома» Ежова. Я увидел его фотографию – обыкновенное лицо, скорее симпатичное. Я не мог уснуть, все думал, думал, хотел понять то, что, по словам Ирины, никто понять не мог». Человека, которому предстоит сменить Ежова в кабинете главы НКВД, Эренбург видит в Тбилиси: «На пленуме говорили о поэзии Руставели.... На торжественном заседании в президиуме сидел Берия. Некоторые выступавшие его прославляли, и тогда все стоя аплодировали. Берия хлопал в ладоши и самодовольно улыбался. Я уже понимал, что при имени Сталина все аплодируют, а если это в конце речи, встают; но удивился – кто такой Берия? Я тихо спросил соседа-грузина, тот коротко ответил: «Большой человек».

Среди участников пленума – хорошо знакомые Эренбургу люди: Леонид Леонов, Николай Тихонов, Павел Антокольский, Константин Федин, Всеволод Вишневский, Аветик Исаакян, испанский писатель Пла-и-Бельтран... А вот из грузинских знакомых – только Гогла Леонидзе. Побывать в столь гостеприимном доме Табидзе не удастся: вдова поэта Нина передает, чтобы Илья Григорьевич с женой ее не искали – боится их подвести. «Были, как я и думал, банкеты, тосты, но незачем говорить о моем настроении: я все еще не мог опомниться, – вспоминает Илья Григорьевич. – Новый год мы встретили у Леонидзе. Мы хотели развлечь милых, приветливых хозяев, а они старались развлечь или, точнее, отвлечь нас. Но не получалось: чокались, молча пили». Когда они «подняли стаканы и ничего не сказали», перед ним были Тициан и Паоло... А потом, многие годы, Эренбургу часто приходят на ум стихи Яшвили, «написанные за несколько лет до трагической развязки:

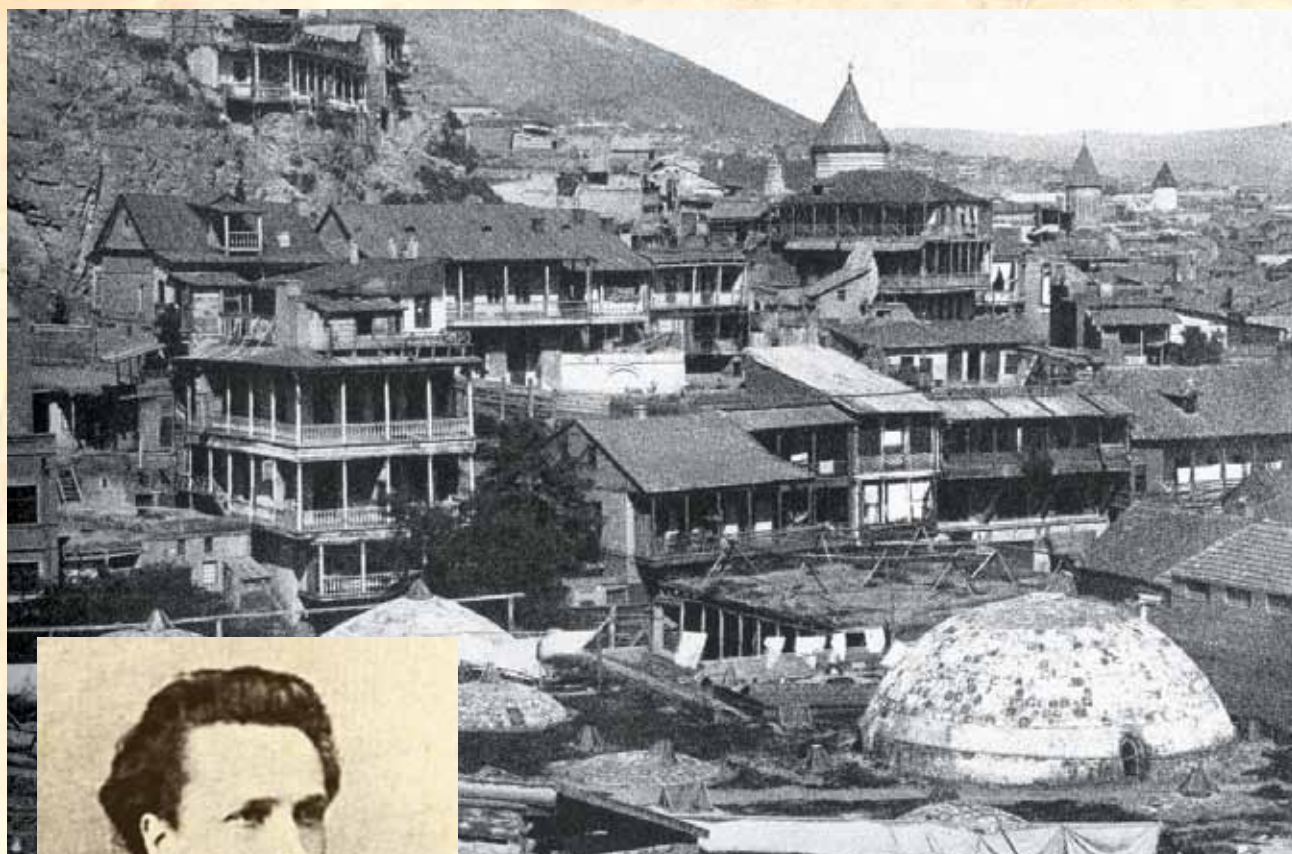
*Не бойся сплетен. Хуже – тишина,
Когда, украдкой пробираясь с улиц,
Она страшит, как близкая война
И близость про меня сужденной пули.*

Афиша фильма К.Марджанишвили
«Трубка коммунара»

Говоря про Илью Григорьевича и столь понравившуюся ему Грузию, нельзя не вспомнить еще пару показательных моментов разных лет и цитату из самого Эренбурга. Год 1929-й, «Веселый Паоло» и некоторые другие рассказы безуспешно пытаются пробиться на страницы московских и ленинградских журналов, а Грузия увековечивает на экране одну из его новелл – «Трубка коммунара». Фильм с таким названием ставит великий театральный режиссер Константин Марджанишвили, играют в нем будущие звезды Верико Анджапаридзе, Ушанги Чхеидзе, Сандро Жоржолиани... Год 1985-й, югославский порт Риекка. Среди принимающих только что спущенный на воду танкер «Илья Эренбург» – грузин, старший механик Георгий Арчаидзе. Потом этот приписанный к Новороссийску теплоход не раз ходил маршрутом, по которому Эренбург оказался в Грузии, продлевая его до Батуми. В общем, как у Маяковского: «Вплотиться в пароходы, в строчки и в другие долгие дела».

Ну, а цитата из Эренбурга – вот она: «Альпы во Франции – спорт, туризм, санатории, лыжи, гостиницы, рюкзаки, открытки. А без Кавказа трудно себе представить русскую поэзию: там она отходила душой, там была ее стартовая площадка». Могут сказать, что мысль не новая, что это – еще одна вариация того, что многие десятилетия говорят литераторы России. Что ж, пусть оно так, но от этого мысль, изреченная Ильей Григорьевичем, не перестала быть и справедливой, и искренней.

БЕЗЗАВЕТНОЕ СЛУЖЕНИЕ КАВКАЗУ

■ Елена НИКОЛАИШВИЛИ

В 1867 году на Кавказ для сбора данных к кандидатской работе «Свод зоогеографических сведений о Кавказе (млекопитающие)» приезжает выпускник естественного отделения физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета Евгений Вейденбаум (1845-1918). Через два года он успешно защищает диссертацию, став кандидатом естественных наук, но зоологическая тема в его дальнейшей деятельности продолжения не нашла. А вот любовь и интерес к Кавказу, родившиеся в этой поездке, напротив, стали стержнем всей дальнейшей жизни Евгения Густавовича.

В 1870 году он поступает на частную службу инспектором Херсонского филиала Всероссийского страхового товарищества «Саламандра» (малозвлекательная работа по составлению страховых полисов хорошо оплачивалась, что было важно для юноши из многодетной семьи врача петербургской флотской тюрьмы «Арестантская башня»),

но все свободное время отдает изучению Кавказа. В это время появляются его первые статьи: «Ученая деятельность на Кавказе» (газета «Санкт-Петербургские ведомости» 1871, № 352), «Кавказские амазонки: материалы для древней этнографии Кавказа» (журнал «Знание», осень 1872 г.), «К истории Казбекских завалов», «Заметка о кавказских каменных орудиях» и «Заметки об употреблении камня и металлов у кавказских народов» («Известия» Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества – КО ИРГО, 1874-77 гг.). Уже из названий видно, насколько разнообразны интересы начинающего кавказоведа.

В 1877 году Вейденбаум становится начальником отделения Кавказского горского управления в Тбилиси, занимавшегося сбором и публикацией материалов о кавказских горцах: их сказаний и обычаев, этнографических и исторических очерков, статистических сведений. В 1878-м публикует

статью «Священные рощи и деревья у кавказских народов», за которую он получил серебряную медаль Императорского Русского Географического общества и был избран в действительные члены КО ИРГО. Вскоре Евгений Густавович знакомится с членом-корреспондентом Петербургской Академии наук историком Дмитрием Захаровичем Бакрадзе (1827-1890). Они основывают Кавказское общество истории и археологии, начинают издавать периодический сборник «Известия Кавказского общества истории и археологии», принимают деятельное участие в подготовке и работе Пятого археологического съезда (Тифлис, 1881 г.), где делают совместный доклад «Кавказские пещеры». На съезде Вейденбаум знакомится со многими выдающимися археологами России – графом А.С. и графиней П.С. Уваровыми, кавказоведом Е.Д. Фелицыным и др.

В 1880-90-е гг. Е.Г. Вейденбаум занимает различные должности в Кавказском Военно-народном управлении и Канцелярии Главного начальника по военно-народному управлению Кавказского края, участвует в работе Кавказского музея и создании сборника «Исторический очерк кавказских войн от их начала до присоединения Грузии», совместно с В.А. Потто, Н.С. Аносовым и В.И. Томкевым пишет очерк «Время Кнорринга, Цицианова и Гудовича. От договоренности о присоединении Грузии к России между царем Ираклием и императором Павлом I до присоединения Ширванского ханства и назначения главнокомандующим генерала Торماسова. 1801-1809 годы». С 1897 года он становится сотрудником Кавказской Археологической Комиссии, а в 1904 году – ее председателем.

Кавказская археологическая комиссия была создана в 1864 году по инициативе барона Александра Павловича Николаи и с одобрения наместника Кавказа великого князя Михаила Николаевича. Ее основной задачей был разбор Архива Главного управления Кавказского наместника (основу которого составил архив грузинских царей, хранивший

царские указы, правительственные распоряжения, переписку с персидскими шахами) и извлечение из него документов, имеющих историческое значение. Было издано 12 поистине бесценных томов «Актов, собранных Кавказской археологической комиссией» (АКАК), в которые вошли уникальные исторические источники, имеющие огромное значение для осмысления наследия прошлого.

Сотрудниками комиссии в разное время были: А. П. Берже (первый и бессменный на протяжении 22 лет председатель; при его участии было издано 11 томов, хронологически охватывавших период с начала XVIII в. по 1855 г.), Мирзу-Али (перевел все восточные документы, вошедшие в I том АКАК), И. Г. Берзенев (перевел грузинские гуджары, вошедшие в I том АКАК), Д. З. Бакрадзе (принимал участие в издании АКАК, начиная с VII тома; на основе архивных документов подготовил аналитический труд «Кавказ в древних памятниках христианства») и др.

Е.Г. Вейденбаум принял деятельное участие в издании XII тома и приступил к подготовке материалов XIII тома, который должен был рассказать о периоде кавказского наместничества великого князя Михаила Николаевича в 1862-1881 годах. Однако в сложное предвоенное время издать XIII-й том не удалось. Все материалы по нему сейчас хранятся в личном фонде Вейденбаума в Тбилиси.

В 1888 году выходит составленный Е.Г. Вейденбаумом «Путеводитель по Кавказу», где, помимо очерков по истории, географии, этнографии края, были приведены девять подробных маршрутов с описанием важнейших селений, находящихся на них и исторических достопримечательностей. Путеводитель украшали 12 иллюстраций, выполненных тбилиским художником Владиславом Стаховским (1852-1932), выпускником Академии художеств и другом Василия Сурикова.

Евгений Густавович был первым кавказоведом, опубликовавшим материалы о декабристах и поляках, сосланных на Кавказ. Так, в конце XIX – на

чале XX века в популярной частной газете «Кавказ» появились его заметки «Арест Грибоедова», «Александр Бестужев на Кавказе» и др.

В 1901 году он привлек внимание к запрещенному в 1844 году (но не утратившему своей актуальности не только к началу XX, но, пожалуй, и XXI века) роману «Проделки на Кавказе», в котором сатирически описываются события Кавказской войны и действия российского генералитета в период 1838-1842 гг.

В персонажах легко узнаваемы командиры Отдельного Кавказского корпуса, главноуправляющий гражданской частью и пограничных дел в Грузии, Армении и Кавказской области Е.А. Головин (вельможа, приехавший отдохнуть на водах; сам он в романе лишь упоминается, но служащие его штаба описаны подробно), начальник правого фланга Кавказской линии Г.Х. Засс («кордонный начальник», «шайтан», «пришлец от стран Запада, бело волосый, с длинными рыжими усами»), начальник штаба Кавказского корпуса генерал-майор П.Е. Коцебу (Машикебу – «белокурый человек маленького роста... в военном сюртуке, без эполет, расстегнут и курил из длинного чубука с прекрасным янтарем. Черты его не имели никакого выражения:

какая-то сладкая улыбка придавала ему вид притворной кротости; глаза, словно синий фарфор, были обращены на кончик носа, на темени виднелось безволосое пятно, с отверстием стакана»), полковник (в описываемые события) В.С. Голицын (князь Галицкий – «высокий, толстый, видный собою полковник... храбрый и умный человек. Он провел свою молодость буйно; поэтому мнение о нем различно; но я ценю его по уму и любезности в обществе»), лицейский товарищ и секунданта А.С. Пушкина полковник К.К. Данзас (полковник Адамс – «штаб-офицер лет сорока»). В прекрасных чертах лица его, выразивших ум, благородство, честность и добродушие, изображались одна-ко ж истома, изнурение. Нельзя было определить, происходит ли оно от недавней болезни или от жизни смолоду чересчур разгульной; но легко было увериться в последнем по походке: он ходил словно разбитый на ноги от подагры, болезни, почти всегда служащей грустным мавзолеем над молодостью, утраченной преждевременно среди пиров и юного разгулья», «Я мало знаю его, но считаю за хорошего человека; он также ничем не занят»), брат поэта майор Л.С. Пушкин (майор Лев – «низенький майор с большими рыжими бакенбардами», «умный, честный, безукоризненный офицер, у которого страсть – казаться хуже, чем он есть, пренебрегая общим мнением; он основывается на том, что кто умеет ценить людей, тот его поймет», про себя он говорит: «Пью и в карты играю. Приехал сюда после экспедиции, с князем Галицким, и не могу собраться выехать. Все дела много!»), военный инженер Компанейский (Янкель-Паша – «с огромным орденом Льва и Солнца, привешенными на шее. По красному и опухшему лицу его нельзя было не заметить, что он усердный поклонник Вакха: черные бакенбарды, огромные растрепанные усы, прическа, а всего более черты и выражение лица заставляли бы вас заключить, что он принадлежит к гряз-

ному племени пейсиконосцев, если бы вы были и самым плохим знатоком породы в человеке. Рассмотрев его ближе, вы увидели бы, как несоразмерно коротко обстрижены его виски. Тут, конечно, вам пришло бы на ум, что недавно еще, озлобленно покидая веру отцов, он в бешенстве отрезал себе пейсики донага»). А владелец гостиниц А.И. Найтаки (Неоtaki), темиргоевский князь Джамбот Айтеков, закубанский разбойник Али Карсиз, шапсугский владелец Хаджи-Дунакай, беглый линейец Барышников действуют в романе под своими собственными именами. Прообразами же главного героя капитана казачьей сотни Александра Пустогородова послужили три декабриста – Е.Е. Лачинов, А.А. Бестужев-Марлинский и В.С. Толстой.

На основе уникальных архивных документов штаба Отдельного Кавказского корпуса был написан весьма смелый по тем временам очерк Вейденбаума «Декабристы на Кавказе в 1829 году». Он был опубликован в июньском номере за 1903-й год журнала «Русская старина», издатель которого В.А. Бильбасов признавался: «...от Ваших «Декабристов на Кавказе» нельзя оторваться – я прочел их залпом, до того интересны сообщенные Вами подробности... Я вполне убежден, что Ваши декабристы сослужат добрую пользу исторической науке ...вчера приходил ко мне Н.Ф. Дубровин. Он в восхищении...». А в августовском номере того же журнала появилась его заметка «Виллок и А.С. Пушкин на Кавказских минеральных водах в 1820 году», о знакомстве поэта с английским разведчиком капитаном Джорджем Виллоком.

Пушкиниана – любимая тема кавказоведа. «Пушкин и тифлисская полиция», «Пушкин на Кавказе в 1820 году», «О пребывании Пушкина на Кавказе в 1829 году», «Памятник Пушкину в Тифлисе», «Примечания и объяснения к «Путешествию в Арзрум»», «Кавказские знакомцы Пушкина» – вот далеко не полный перечень его работ на данную тему.

Письма столичных пушкинистов Н.А. Гастфрейнда, Н.О. Лернера, Л.Н. Майкова, Б.Л. Модзалевского (кстати, уроженца Тбилиси), А.Ф. Онегина и др., подтверждают авторитет Вейденбаума в этой области. Так, например, Б.М. Модзалевский, получив положительный отзыв Вейденбаума на свою книгу «Архив Раевских», писал ему 27.12.1908: «...Я пуще огня боялся Вашего приговора, т.к. знаю, люблю и уважаю Вашу точность в изысканиях ... я вздохнул облегченно, т.к. вижу, что выдержал экзамен у самого компетентного экзаменатора...». Интересна статья Вейденбаума об Иване (Яне) Викторовиче Виткевиче – польском гимназисте из Вильно, сосланном на Урал за причастность к революционному союзу «Черных братьев». После встречи со знаменитым немецким ученым Александром Гумбольдтом он был переведен в Оренбург ординарцем генерал-адъютанта Сухтелена. Знание восточных языков, блестящие способности и выдающиеся личные качества позволили юноше стать разведчиком и под видом армянского купца неоднократно совершать поездки в Бухару, Персию, Афганистан с разными заданиями. Весной 1839 года прибывший в Петербург поручик Виткевич погибает при невыясненных обстоятельствах, а находящиеся при нем документы исчезают. Уже в XX веке этой истории посвящена повесть Юлиана Семенова «Дипломатический агент», рассказ Валентина Пикюля «Опасная дорога в Кабул», повесть Михаила Гуса «Дуэль в Кабуле».

В конце 1880-х Евгений Густавович начал создавать личную рабочую картотеку «Биографический словарь кавказских деятелей» со сведениями и любопытными подробностями обо всех – без преувеличения! – связанных с Кавказом XIX века общественных, политических, военных деятелях, ученых, литераторах, людях искусства. Все справки снабжены библиографическими ссылками на источники. Часть из них вошла в «Материалы для

историко-географического словаря Кавказа», изданные в 1894 году. 12 544 карточек – вот итог более чем сорокалетней деятельности! Неудивительно, что к ученому постоянно обращались со всех концов России с многочисленными просьбами предоставить ту или иную информацию.

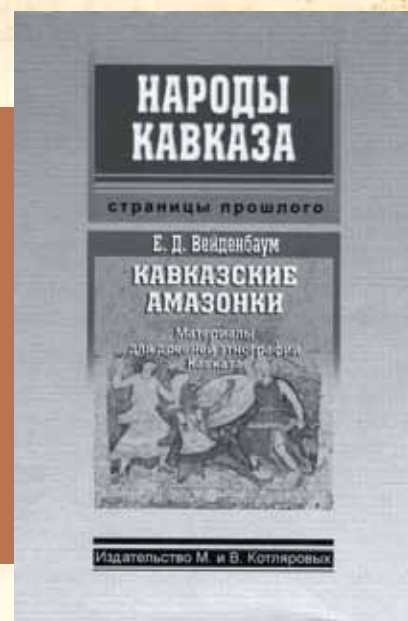
Известно, что в 1901 году Л.Н.Толстой, работая над десятой редакцией повести «Хаджи-Мурат» и нуждаясь в «исторических подробностях», писал, в частности, к жившему в Тифлисе великому князю Николаю Михайловичу, внуку императора Николая I и В.В. Стасову, библиотекарю Публичной библиотеки в Петербурге. Владимир Васильевич порекомендовал ему X-й том АКАК, который «состоит из подлинных документов, в высшей степени важных и интересных, из них многие были прежде «секретные», но теперь напечатаны во всеобщее известие... со времени моего возвращения в Петербург я очень много наведывался о Хаджи-Мурате во всех разнообразных доступных мне источниках. Но лучше, подробнее и важнее всего остального – то, что я на днях открыл в «Актах», о которых и пишу вам сегодня», а великий князь обратился за помощью «к лучшему знатоку кавказской старины и архивов Евгению Густавовичу Вейденбауму», который «решился послать к графу Толстому X-й том актов, в котором покойным А.П. Берже собраны». 28 июня 1903 года писатель ответил ему благодарственным письмом.

Е.Г. Вейденбаум активно участвовал в общественной жизни края. В разные годы он был членом Строительной комиссии по постройке нового здания Кавказского музея, Закавказского статистического комитета, Совета наместника, Главного комитета поощрения туризма на Кавказе, членом-учредителем Кавказского общества содействия развитию лечебных мест, председателем Главного народного суда Закавказского округа Тифлисской губернии, почетным мировым судьей Тифлисского окружного

суда.

18 мая 1916 г. 70-летний Вейденбаум вышел в отставку, но с 1 января 1917 г. получил приглашение заведовать библиотекой Кавказского музея и работал в этой должности до самой смерти 15 января 1918 г.

Евгений Густавович Вейденбаум был большим ученым, яркой творческой личностью, человеком разнообразных интересов, оригинальных и смелых взглядов, ироничным и независимым. Он отмечает в своем дневнике 29.11.1914 во время посещения Тифлиса Николаем II: «Сегодня город угощал государя «чашкой

чая». Я блистал своим отсутствием», двумя предложениями рисунка и подобострастие светского общества, и свое к этому отношение.

Огромный личный архив ученого находится в Национальном центре рукописей Грузии и содержит уникальные, не утратившие своего значения и в наши дни материалы по неизданному XIII тому АКАК, обширную картотеку «Биографический словарь кавказских деятелей», полные оригинальных суждений и интересных подробностей жизни Тифлиса дневники, записные книжки, письма.

Значительная часть этих данных никогда не была опубликована.

Сикимора Богоматери

ВЕРЮ – НЕ ВЕРЮ

■ Ирина МЯГКОВА

Иногда удается ухватить за хвост ускользающий сон и, пробудившись, восстановить не столько его сюжет (он забывается сразу же), сколько атмосферу, настроение, среду обитания. Почти всегда сны мои связаны с движением куда-то, с поисками чего-то, с существованием среди безликой толпы, где безлика и я сама. Не помню, чтобы когда-либо были они радостными, безмятежными или смешными. Или фантастическими. Нет, они реалистичны, и реальность в них, хотя по большей части и абсурдна, но тягостна, потому что ты должен и стараешься изо всех сил сделать, исполнить, достичь, но никак не можешь. Не можешь, например, запеть в полный голос, оказавшись на оперной сцене. А чаще всего не можешь даже просто собраться, чтобы уйти из дома: все время что-то задерживает. Как проклятие из сказки: что начнешь с утра, не закончишь до вечера...

Увы, других признаков сказки в снах моих не найти, как не найти в них чудес, метаморфоз и пророчеств. Очевидно, вера в чудесное не слишком во мне

укоренилась. Хотя жизнь нет-нет, да и подбросит опровержение. Например, прошлой осенью у нас в квартире поселились две одинаковые коричневые бабочки. На улице шли дожди и стояли холода, а они порхали себе по кухне, время от времени прикладываясь к сахарному сиропу, который мы для них развели в игрушечном кукольном блюдечке. Однако чем дальше, тем больше времени они оставались недвижны где-нибудь в темных углах полок, а потом и вовсе уснули. Одну мы так и не нашли, а вторую поставили на гладкую поверхность свч-печки рядом со стеклянными фигурками козленка и овечки, благо лапки бабочки сохранили цепкость, и она не падала набок. Неделью бабочка стояла спокойно, а наутро следующей мы вдруг увидели, что она переместилась на окно, хотя и продолжала сохранять безжизненность. Как она там оказалась? Муж клялся в абсолютной непричастности к чуду. А через год в сентябре точно такая же бабочка снова залетела в нашу квартиру и осталась в ней зимовать. По неволе задумываешься: не знак

ли какой свыше? И только задумалась, как в памяти всплыла давнишняя история, на которую тогда, сорок лет назад, особого внимания не обратила и значения ей не придала.

Дело было на Кузнецком. Я выросла неподалеку и хорошо знала эту улицу, хотя никогда не воспринимала ее как нечто целое – отдельные ее фрагменты в разные времена привлекали преимущественное мое внимание. В детстве это был памятник Воровскому с его странной, нелепой, но вполне живой позой в раскоряку. Он притягивал своей нездешней неофициальностью. Выйти к нему от моего дома можно было через Фуркасовский переулок, где помещался Комитет госбезопасности и где всегда был страшный сквозняк, но и без сквозняка хотелось всегда проскочить мимо КГБ как можно быстрее. Хотя при этом к страху неизменно примешивалось любопытство, особенно когда кто-то входил или выходил через препятствующие движению тяжеленные двери... Кузнецкий мост манил книгами в Лавке писателей, открытым в 50-е годы Домом художника с его выставками. И еще другим Домом – моделей, куда за всю жизнь я так ни разу не осмелилась войти, но и пройти мимо, не задержавшись у его огромных витрин, не удалось ни разу. Особенность выставленных там нарядов состояла в том, что они никогда не привязаны были к человеку и потому, видимо, выставлялись без манекенов, как чистые артефакты, хотя слова такого в те времена не знали. Раскинутые, как для объятия, рукава роскошных одежд, пленительные линии складок, летящие спинки, облегающие лифы, невиданные ткани... Кто и где мог такое носить, представить было невозможно. Да, разумеется, так и полагается на показах высокой моды на Западе, но мы и понятия тогда об этом не имели, учитывая, что даже не очень новые журналы мод в библиотеках скрывались от читателей в спецхране. Вот и принимали прохожие к манящему стеклу, как озябшие сиротки в рождественских сказках к видению чуда.

В тот вечер задержаться у

витрины не удалось, потому что я шла не одна. Мы с коллегами шагали целой группой от Театра Оперетты, где только что состоялось обсуждение спектаклей этого театра. Я тогда вполне удачно пробовала себя в разных жанрах театральной критики, но заказ на Оперетту получила впервые. Недели две мы ходили туда каждый день, как на службу, и ничего, кроме смертельной скуки, раздражения от преобладающей фальши и пошлости, пофигизма артистов и оркестра, я не испытывала, хотя исполнялась и классика жанра. Видно, неслучайно затеяло тогдашнее Управление культуры это обсуждение: Оперетта была в упадке.

Обсуждать спектакли – дело нервное, особенно, если ругаешь. Надо быть доказательным и убедительным, не слишком обижать исполнителей, но и держать оборону на случай ответной агрессии. Словом, выходишь после этого мероприятия опустошенным, но с длительным остаточным возбуждением. Поэтому по дороге к метро все помалкивали, должно быть, как и я, мысленно перебирая и заново оценивая фрагменты сказанного, то усомнившись в своей правоте, то находя новые доказательства в ее пользу. Почти дошли до поворота к станции метро Кузнецкий мост, но тут я отвлеклась от своих мыслей и остановилась. В те времена, в начале 70-х, нищие, тем более бомжи, еще не стали привычным атрибутом городской жизни. Да и не похожа была привлекавшая мое внимание женщина на нищенку. Она сидела на самом ходу, на углу Кузнецкого и Рождественки, вписавшись в небольшую нишу между первым этажом дома и подвалом, и ничего не делала: не выставила вперед никакой тары для подаяния, не хватала никого за подол, не причитала и вообще не произносила никаких слов. Просто сидела и смотрела на текущий мимо поток прохожих, довольно многочисленных, надо сказать, несмотря на поздний час. Коллеги мои давно уже дошли до станции метро, а я все наблюдала за женщиной, не могла глаз отвести. Свежее молодое (или молодежавшее?) лицо,

Москва. Кузнецкий мост

простое и милое. Серые глаза. Глубокий взгляд. Серьезное выражение без следов озабоченности. На голове платок. Одета в длинное, бесформенное и монокромное, но не рваное и не грязное, и почему-то без пальто, хотя стояли почти зимние холода – конец ноября.

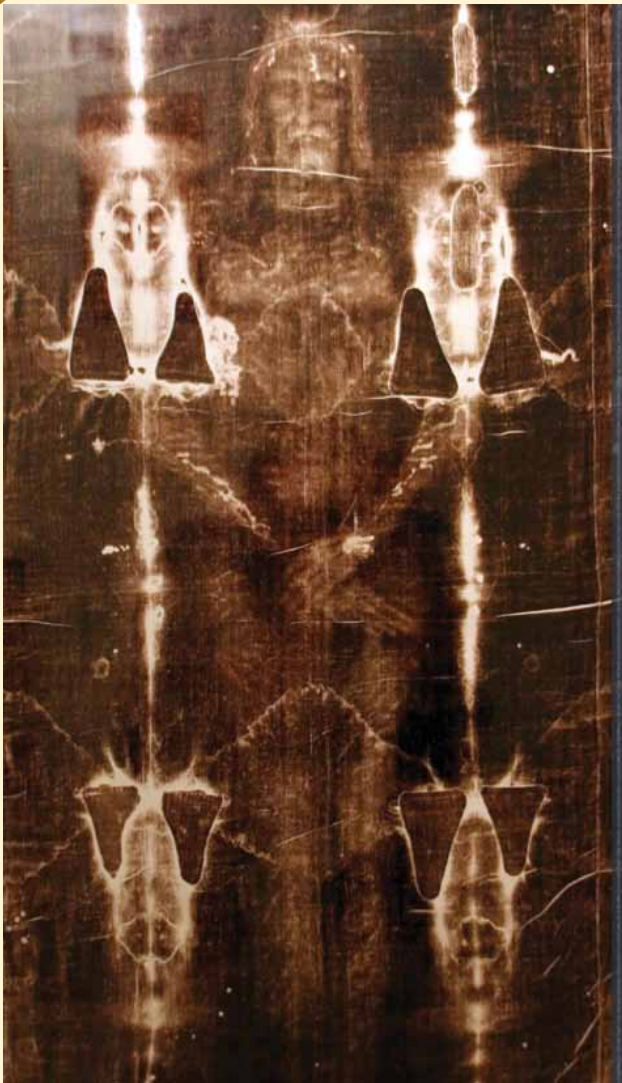
Была она похожа больше всего на крановщицу Валью, с которой когда-то в юности мы вместе работали вожатыми в пионерском лагере Дорпрофсожа строителей. До сих пор эта удивительная девушка, с которой вместе мы провели одно лишь лето, остается для меня эталоном чистого и справедливого восприятия мира, естественности и доброты.

«И что вы тут сидите?» – довольно бесцеремонно решила я, наконец, обратиться к женщине. Она ничуть не удивилась и ответила охотно: «Отдыхаю. Ногу вот подвернула». С этими словами она откинула подол буро-охристой юбки, похожей на домотканую, и я увидела маленькие, изящные ступни. Босые. Чистые. «Где обувь?» – спросила я тоном пионервожатой. Она лишь пожала плечами и улыбнулась. – «А почему домой не едете?», – продолжала я допрос. И уже в некотором замешательстве ждала, что она ответит: некуда мне ехать, и придется взять ее к себе. Но она ответила другое: «Они меня

не пускают». – «Кто?» – «Женщины»...

Я помогла ей подняться. Она послушно двинулась за мной и совсем не хромала. В метро я заранее достала пятаки и провела ее через турникет, пропустив впереди себя, и все время думала, каково ей босиком. Никто ничего не сказал, хотя на нее косились. – «Вам куда?». Она неопределенно махнула рукой в сторону перехода на Лубянку. – «В Измайлово». Я довела ее до Лубянки, посадила в поезд до Охотного ряда и объяснила, как перейти оттуда на Площадь Революции. До половины первого я и сама должна была успеть на переход, поэтому мы попрощались у вагона. Она вдруг неожиданно протянула мне незамеченную прежде в ее руках авоську: – «Хочешь? Возьми!». Там лежали два рулона дефицитной в те времена туалетной бумаги и пачка бумажных салфеток. Я не взяла. Из-за дверного стекла она мне улыбнулась и уехала, а я заторопилась домой, потому что было уже очень поздно.

Встрече этой особого значения не придавала. Она вроде бы стояла в обычном ряду «тимуровских», общепринятых еще с детства, почти автоматических поступков – слепого через дорогу перевести или старушке тяжелую сумку донести. Но странное дело, расставание

Туринская плащаница

с незнакомкой оставило в душе досаду, словно что-то важное упустила. И от вопросов никак не могла отделаться: что у нее в Измайлове? К кому и зачем она отправилась? Откуда взялась? Почему босая? Что с ней дальше будет? И почему это так впрямую меня касается? Ответов не было, и постепенно другие жизненные впечатления и другие проблемы вытеснили из памяти этот эпизод.

Мое поколение воспитывалось в строгом атеизме и неколебимом торжестве реализма и жизненной правды. Мы ничего не знали из библейской истории, что чрезвычайно затрудняло восприятие и литературы, и классической живописи. Ветхий и Новый завет я впервые взяла в руки и прочитала лишь в 1979 году, когда ездила в Бельгию с цирком в качестве переводчицы. Там в любой гостинице лежали томики на французском, немецком, английском и прочих языках, но мне удалось купить русский текст на блошином рынке. Я спокойно положила книжку в чемодан и привезла в Москву. Оказалось, что мне грозил реальный срок за эту контрабанду опиума для народа. В прессе не допускались никакие упоминания о боге и божественном, никакие цитаты из Священного Писания, даже такие расхожие, как «суета сует», например. А дочь мою, тайно крестившуюся уже в середине восьмидесятых годов, заставили уйти

из ее французской школы, и она заканчивала школу вечернюю.

В подростковом возрасте из любопытства и из протеста (за это в школе могли наказать, если бы узнали) я стала захаживать в церкви и в другие конфессиональные храмы, включая синагогу и даже мечеть. Больше всего мне нравились иконы, свечи и ароматный полумрак. Креститься я стеснялась, потому что некрещеная, а молиться не умела, хотя в самом раннем детстве мама почему-то научила меня двум молитвам – Отче наш и Богородица, дево, радуйся... с текстовыми пробелами, как ей самой запомнилось. Воинствующий материализм так глубоко проник в сознание, что я, сколько ни пыталась, не могла себе представить ни Бога, ни места его обитания (сидит на облаке?), ни особенно, как же может услышать он и различить в общем многоголосье молитвы отдельных людей. Ну и, конечно, я твердо знала, что чудес на свете не бывает.

Когда пал железный занавес и мир открылся для путешествий, выяснилось, что из всех туристических объектов предпочтительней всего для меня не дворцы, не крепости, не замки, а именно церкви, костелы, кирхи, монастыри, мечети, пагоды, ступы, синагоги, капища и иные места для молитвы. Именно здесь я чаще всего испытывала восторг и умиление.

Поездки мои никогда не бывали паломническими, и всякого рода святости и мощи кажутся мне сомнительными. Разве что Туринская плащаница потрясла воображение – невозможностью понять и объяснить. Однако в популярные чудеса и чудотворность как таковую по-прежнему не верю. Особенно, когда чудеса хорошо организованы и приносят немалый доход. Как, например, фокусы с иконами мироточивыми и плачущими. Кстати, тут мне есть, на кого опереться. Известно, что Петр Великий однажды докопался до системы подачи слез к иконе и публично разоблачил трюк. А наш современник Павел Васильевич Флоренский, ученый, академик и достойный внук своего великого деда, философа и священника, тоже усомнился в подлинности чуда, написав: «...признанные и почитаемые на Руси иконы никогда не мироточили. «Плачут» лишь новые иконы и те, которые стоят в частных домах», то есть, усомнился в «чистоте эксперимента»... И точно, в Сиракузе на юго-востоке Сицилии именно в частном доме из гипсовой плиты с изображением Божьей матери в 1953 году вдруг потекли слезы. Церковь чудо признала и к 1994 году построила огромное (на десять тысяч молящихся) и довольно уродливое – в виде 75-метровой бетонной слезы – здание храма Мадонны делле Лакрима. При нем – несколько музеев, в том числе Музей слезотечения с платным входом, ну и обширная торговля, само собой...

Во французском Лурде мне, как и всем туристам, показали грот, в котором в 1858 году четырнадцатилетней Бернадетте Субиру 18 раз являлась Дама, похожая на облачко или привидение. Являлась только ей, незримая для других, и требовала покаяния от грешников. После нее остался источник с якобы исцеляющей водой, к которому устремляются толпы больных со всего мира.

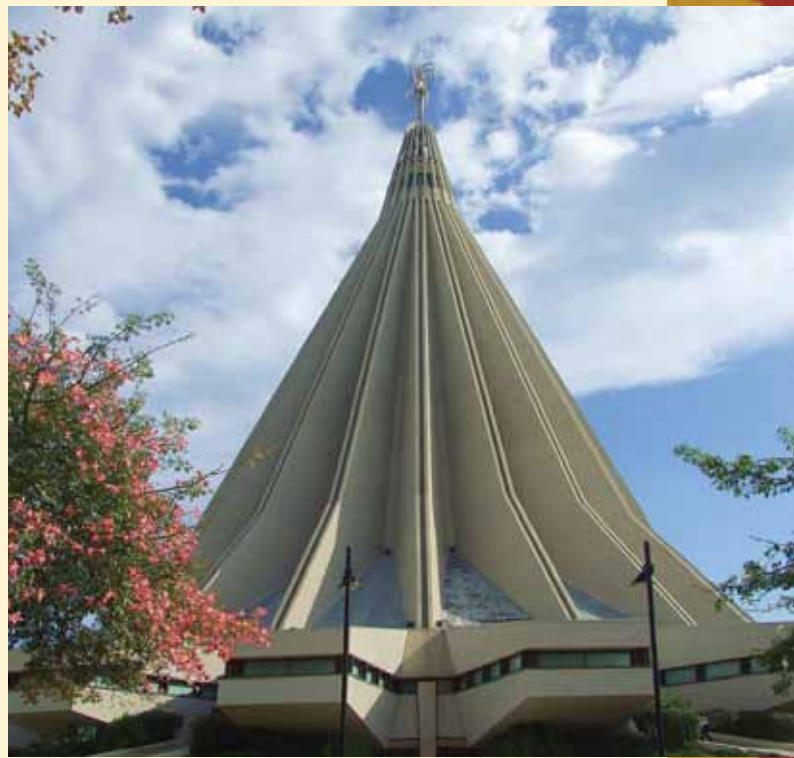
Конечно, зрелище оставленных костылей, протезов, серебряных сердечек и других символов излеченных органов впечатляло. Однако толпы страждущих – преимущественно на костылях, на колясках и даже на носилках, толкучка и какой-то нервный, болезненный ажиотаж в атмосфере – все это оставляет тягостное впечатление и отнюдь не вселяет надежд на исцеление, поставленное на поток. Массовые мероприятия вообще пугают меня. Так же было и в Португалии, в одном из центров христианского паломничества – городе Фатима. Там тоже о явлении Божьей матери в 1915 году объявили дети. Она же была в белом платье и венце из золотых звезд (как фея из сказки). И снова другие люди ее не видели, но наблюдали удивительные атмосферные явления, которые уфологам представляются совершенно объяснимыми и не имеющими никакого отношения к религии. Впрочем, тоже чудесного инопланетного происхождения.

Дети рассказали, что Дама призвала их к спасению, жертвоприношению как возмещению за грехи и как мольбу за обращение грешников. И действительно вскоре двое младших умерли от свирепствовавшей «испанки», тем самым, возможно, принеся требуемое жертвоприношение. Страшно! А старшая, Лусия, до 97 лет прожила в монастыре кармелиток, постепенно и до самой смерти вспоминая все новые откровения своей божественной собеседницы.

Фатимское чудо Церковь признала, и прежняя деревушка стала местом паломничества миллионов людей. Многие идут пешком из Лиссабона и Порту. Многие (я сама это видела) ползут на коленях несколько сотен метров до входа в Храм. Надо сказать, что комплекс Санктуария Девы Марии Фатимской огромен. Мощеная площадь перед храмом в полтора раза больше, чем в Ватикане. На ней уместятся двести тысяч молящихся. Статуя Богородицы весит 13 тонн. В специальном месте вне храма можно поставить свечи, в том числе – огромного размера, и свечей этих такое множество, что они полыхают, как гигантский жертвенный костер. Кстати, дело со свечами так отлично налажено, что вы можете ее поставить, не выходя из дома, на специальном сайте в Интернете за десять долларов. И с торговлей в Фатиме тоже отлично все налажено: огромные торговые ряды, сувенирные и свечные лавки. По официально опубликованным и поразившим меня данным, ежегодный доход Церкви от продажи реликвий в Фатиме – 55-60 миллионов долларов... А если бы еще и индульгенции продавали!..

Никогда не возникало у меня желания присоединиться к этим толпам страждущих...

Однако недоверие мое – только половина вечной игры в веру-не-верю. Вторая половина – жажда веры и попытки ее утолить. Успешнее всего это происходит в конкретных местах и при наличии живых свидетелей. Так, в Иерусалиме едва ли не самым сильным подтверждением истинности МЕСТА стали для меня остатки Гефсиманских садов – всего несколько древних, но каких-то безусловных олив – любимых моих деревьев. А в Каире мы полдня искали дерево, под которым отдыхало бежавшее в Египет Святое

Храм Мадонны делле Лакрима

семейство после утомительного пути через пустыню. И, хотя шофер говорил только по-арабски, он понял, что мы ищем, а прохожие ему подсказали, где это найти.

Священная Сикимора Богородицы представляла собой срубленный и горизонтально закрепленный на низких подпорках длинный ствол фигового дерева – голый и изрезанный вековыми морщинами. А прямо из него, из мертвой, казалось бы, природы выросла новая, огромная и раскидистая смоковница с нежными зелеными листьями.

Удивительным образом композиция эта напоминала Снятие с креста, потому что голый ствол похож был на истерзанное человеческое тело с впалым животом, лежащее на коленях у склоненного над ним живого дерева. Потом узнала, что символ Христа – дерево жизни. Все складывалось воедино, но главным была именно конкретность ЖИВОГО. Оно жило тогда и продолжает жить сейчас, связывая людей и события в общую реальность...

Божественного присутствия я чаще всего ищу в иконах Богородицы. Отовсюду, где бываю, везу копии особенно полюбившихся. Они такие разные! Круглолицая, глаза с поволокой в наивной интерпретации коптов в Каире. Совсем юная большеглазая Троеручица в Церкви Святого Георгия в библейской Мадабе (Иордании). Архаически строгая и величественная, вся в черном, Мадонна из Регенсбурга. Радостная – на иконе Знамения в Абалакском Знаменском монастыре под Тобольском. Раскинувшая руки, как крылья, Санта Мария дель Реденторе в Милане. Сосредоточенная на своем предназначении – исцелении от пьянства – Божья мать на иконе «Неупиваемая чаша» в Серпухове. Скорбная с темным ликом Богородица Филеримоса в Цетинском

монастыре в Черногории. А одна икона у меня настоящая и очень редкая. Она написана на стекле в Трансильвании XIX века каким-нибудь крестьянским богомазом в манере, напоминающей детский рисунок. Лик очерчен как будто одной непрерывной линией, словно художник торопился запечатлеть мгновение уходящей природы.

Но самая любимая – Матка Боска Ченстоховска – Ченстоховская икона Божьей матери. В ней – какая-то особенная красота, которую, возможно, сообщает ей узкий и длинный разрез глаз, припухших, как бы чуть сощуренных, вглядывающихся вдаль, либо очень темный лик (ее называют еще «Черная мадонна»), свидетельствующий о древности иконы, или же – сказочно-прекрасный ее покров с мелким золотым рисунком... Но более всего два шрама на щеке. Конечно, существует объясняющая их легенда. Сторонники Чешской Реформаторской церкви гуситы, признававшие лишь Священное писание и – никаких ликов, напали в 1430 году на католический монастырь паулинов Ясна Гора возле Ченстоховы, где хранилась икона, и пытались разрубить ее саблями. Разумеется, им это не удалось: осквернители поплатились, а кровоточившие раны на Иконе затянулись. Однако именно след этих ран, эти морщины страдания вызывают особые чувства – живого к живому.

И всякий раз ловлю себя на том, что пытаюсь представить, какое же лицо было у нее на самом деле. Потому, наверное, что для меня ОНА больше человек, которому бесконечно сострадаю, чем Божество, к которому припадаю. Вот странно: нет, наверное, места на земле, где бы ОНА ни

Смоленск. Храм Успения Богоматери

являлась людям, но никто не запомнил ее лица – только свечение, одеяние, фигуры рядом...

Когда впервые я оказалась в Смоленске, по Храму Успения Богоматери нас водил какой-то нижний церковный чин. Подведя к знаменитой Смоленской Одигитрии, он сказал, что писана она апостолом Лукой. И добавил – С НАТУРЫ. «А младенец?» – инстинктивно возразила я и посмотрела ему прямо в глаза. Он взгляд выдержал, но с некоторой долей смущения: знал, конечно, что та, старинная, привезенная в XI веке из Греции икона, утрачена после немецкой оккупации, и перед нами – список XVII века. А про младенца и просто не стал отвечать.

Действительно, существует легенда, что апостол Лука чуть ли не при жизни Марии написал самые известные чудотворные иконы на Руси (Смоленская, Владимирская, Тихвинская, Казанская, Иверская...) и за ее пределами (Киккская, Грузинская, Ефесская, Ченстоховская...).

Так хотелось бы поверить в чудо сохранившегося первоначального живого и подлинного Образа, но даже и на перечисленных иконах они друг на друга не похожи. К тому же чересчур убедительно и доказательно сопротивляются версии портрета с природы историки и искусствоведы, да и сами богословы нехотя уточняют, что речь, конечно же, идет о многочисленных списках с творений Апостола. Лука же, возможно, и не помышлял о сходстве своих икон с натурой, создавая идеальное представление о той, что стала матерью Бога. Так что, боюсь, так и не узнать, какое у НЕЕ было лицо, если только не поверить, что именно ОНА явилась тогда прохожим на Кузнецком. Кстати, зачем? Тоже вопрос, который меня мучает как человека реалистического.

А кому вообще доподлинно известно, зачем ОНА, заступница и страдальца, является людям?! Нужна ли ей эта демонстрация массовой веры и почитания? Действительно ли ОНА стремится кого-то утратить? Тем более, принять жертву? Может, ей просто интересно посмотреть на свой народ, почувствовать его физически? Тогда, наверное, предзимняя Москва показалась ей холодной и равнодушной. Решившись предстать перед атеистами, Мария расположилась на самом видном месте, но этого никто даже не заметил. А если и заметил, как я, не придавал особого значения. И она удалилась, не оставив ни послания, ни пророчества.

И мне ни слова не сказала.

А я, естественно, ни о чем ее не попросила.

Но с тех далеких пор я дважды выкарабкивалась из неизлечимой болезни. С моими родными и близкими до сей поры не случилось никаких несчастий, хотя я, паникер по природе, постоянно их жду и тем самым, казалось бы, притягиваю. И потом – откуда взялся у меня столь внезапный и весьма активный интерес к иконам Богородицы?!

Глеб Острожный

КРУТЫЕ БЕРЕГА РЕКИ ВРЕМЕНИ

■ **Ирина ВЛАДИСЛАВСКАЯ**

Каждый факт из жизни театра имеет ценность, тем более в юбилейный для грибоедовцев год. Остроумная комедия Скриба «Стакан воды», поставленная режиссером Лейлой Джаши в 1985 году, заиграла на сцене Грибоедовского театра новыми красками. В спектакле звучали песни на стихи Николая Астахова, лирика по складу души и геолога по профессии. Его творчество было знакомо друзьям, но никак не широкому кругу читателей. На литературном поприще добился известности его младший брат – Евгений Астахов. Однако для спектакля племянница братьев Астаховых Лейла Джаши выбрала стихи Николая.

Рассказ об Астаховых, оставивших светлый след в кругу тбилисской интеллигенции, был бы неполным без исторического фона, охватывающего без малого почти полтора века – от времен правления императора Александра II до наших дней.

Эта статья не увидела бы свет без главного героя, который связал в единое целое мозаику разнообразных событий, о которых пойдет речь

ниже, и рассказал о судьбах нескольких поколений людей, объединенных родственными и дружескими узами. Многим в Тбилиси знакомо его имя – Глеб Николаевич Острожный. Ему 92 года. Ветеран Отечественной войны, заслуженный строитель Грузии. Широко мыслящий эрудит, беседа с которым понимаешь: сколько ни читай книг и ни копайся в интернете, настоящие знания и жизненный опыт человек получает эмпирическим путем. Несколько лет назад на страницах нескольких тбилисских изданий Глеб Николаевич опубликовал содержательные очерки. Он и сегодня хотел бы взяться за перо, но подводит зрение. Поэтому поделился своими воспоминаниями в беседе и предоставил для информации наброски мемуаров. В своих публикациях он многое мог бы рассказать о себе, но предпочел описать биографии товарищей. Поэтому восполним этот пробел и расскажем о семье самого Острожного.

БАТУМСКИЙ ГОРОДОК

«Господин Острожный из неистребимой породы правдолюбцев», – подумала я через пять минут знакомства с Глебом Николаевичем. Высокий и подтянутый пожилой человек радушно встретил меня в своей квартире. Пригласил расположиться за большим столом, для вида строго утихомирил шустрого щенка Чару, проявившего чрезмерную пылкость при знакомстве. И тут же огорошил критикой в лоб.

– Вы написали статью о Батуми, а ведь города-то не знаете!

Я не стала спорить, действительно, не знаю. Какие могут быть знания у заезжего гостя по сравнению с автором исторического очерка «Воспоминания старого батумца».

– **Вот вы мне и расскажите свою батумскую историю.**

– Между прочим, когда я появился на свет, в Батуми было всего-то три улицы. А жизненно важная роль отводилась малярной станции – гиблым местом был мой родной край до осушения болот. Родился я в семье штабс-капитана Николая Острожного, – начал свой рассказ Глеб Николаевич и тут же спросил: «Знаете, что такое ратные земли?».

Удостоверившись, что не знаю, продолжил:

– Ратные земли в царское время выделялись военнослужащим. Один из наделов получила и наша семья на участке, получившем название «Городок», там прошло мое детство. В конце 20-х годов наш «Городок» процветал, поскольку его начал застраивать богатый концерн «Нефтеком», долю в котором имели американцы. Вот тогда у нас появились стадион, спортзал, баня и другие общественные сооружения. Мальчиком я занимался в художественной школе у талантливого преподавателя по фамилии Карен, по происхождению он был португальцем, окончил Париж-

Батуми. Православный собор

скую академию художеств. Он привил мне любовь к живописи. Благодаря полученным у него навыкам, я впоследствии, став строителем, много работал по росписи интерьеров зданий.

– **Давайте вернемся к семейной хронике.**

– Младший брат отца Борис Яковлевич был адъютантом генерала Мамонтова и погиб на Перекопе. Одна из сестер отца была красавицей, но судьба сложилась у нее трагическая. Совсем молоденькой девушкой она готовилась к балу, который давал губернатор Душети, и случайно опрокинула керосиновую лампу. Пламя перекинулось на платье, и бедняжку не смогли спасти. Старшая сестра отца – Любовь Яковлевна была замужем за генералом Николаем Ивановичем Буйко. Он был специалистом фортификационных сооружений, им были построены крепости на горах, окружающих Батуми, а также береговая батарея на мысе Бурнтаби (Бурун-Табие), которая не дала возможности в 1918 году немецким крейсерам «Гебен» и «Бреслау» обстрелять город. Его авторитет как военного инженера был настолько велик, что когда большевики заняли Крым, его не расстреляли,

а предложили переехать в Москву для преподавания в создаваемой Военной академии, на что он дал согласие.

– **Расскажите, пожалуйста, о родителях.**

– Отец воевал на фронтах Первой мировой. Был тяжело ранен под Варшавой. Он был необычайно одаренным человеком. Прекрасно владел несколькими языками. Моя бабушка – Нато Урушадзе была родом из села Шемокмеди. Николоз Острожный помимо русского, грузинского, свободно говорил по-французски и по-турецки. Моя мама скончалась, когда мне было всего четыре года. В памяти остались ее ласковые руки, милый облик и польские слова, с которыми она ко мне обращалась. После ее кончины я жил в семье родной тети Марии и ее мужа Валериана Кахидзе. У них был единственный сын Борис, но кроме меня в семье постоянно воспитывались и другие племянники. Дядя Валико построил в Батуми множество зданий, в числе которых колоннада на батумском бульваре.

Отец работал агрономом в Кедском районе, одновременно учился на заочном отделении сельскохозяйственной акаде-

Глеб Острожный в годы Великой Отечественной войны

мии им. Тимирязева. Занимался разведением фруктовых деревьев и пчеловодством. Выведенная «аджарская пчела» – его заслуга. Как бывшего царского офицера отца арестовывали на все советские праздники, правда, через неделю отпускали. Но на майские праздники 1930 года, отсидев привычный срок, отец не вернулся домой. Выяснилось, что его отправили в Тбилиси. Тетя Мариам, прихватив меня, поехала в столицу республики. Мы пришли к Дому правительства (нынешний Дворец учащейся молодежи), часовой в буденовке, выслушав, что пришла «сестра Саши» – фамилию его, к сожалению, я сейчас не вспомню. После выполнения необходимых проформ пропустил нас в здание.

Тетя крепко держала меня за руку, пока мы не оказались в большов кабинет, в котором за столом с телефонами сидел военный, – рассказывает Глеб Николаевич. – Даже я понял,

что это большой начальник. Но увидев нас, он выскочил из-за стола и радостно обнял тетю. Узнав, что «дорогой Коля», то есть мой отец, арестован, начальник кому-то что-то приказал по телефону, и через полчаса отца доставили прямо в его кабинет. Потом я узнал, что при англичанах этот самый большевик Саша скрывался в нашем доме под именем Бориса Острожного и был обязан жизнью нашей семье. Помню, что Саша на прощание посоветовал отцу уехать из Батуми и где-нибудь застрелиться. Отец послушался и переехал в Краснодарский край, где его назначили руководителем убыточного совхоза треста «Кубано-Черноморская нефть» в станице Ильская. Через некоторое время совхоз стал передовым хозяйством. В 1932 году отец начал работать ассистентом профессора Руэста в Селекционном центре города Краснодара по разведению сои. Благодаря сое работники центра выжили в годы голодомора. Меня привозили к отцу на летние каникулы. Однако в 1938 году его вновь арестовали. В 1956-ом Николая Острожного посмертно реабилитировали.

ПОД ГРИФОМ «00»

Война для Глеба Николаевича началась так. На 22 июня 1941 года был назначен выпускной бал для первого выпуска учащихся батумской средней школы, но торжества не получилось. Ура-патриотическое заявление директора школы о том, что «наши войска начали успешное контрнаступление и подходят к Варшаве», оказалось ложью. Уже через несколько дней над Батуми стали кружить немецкие разведывательные самолеты.

Глеб Острожный, как и многие другие выпускники школы, ринулся подавать документы в военное училище. Но ему ответили, что прием закончен. Тогда он поступил в ТБИЖТ, сдав экзамены на строительный факультет. На третьем курсе Глеб

Острожный был мобилизован и отправлен в Гороховецкие лагеря, где стал курсантом военного училища Артиллерийского центра союзного значения. Это был крупнейший в стране полигон, на котором испытывались новые образцы артиллерийских орудий и бронетехники. При центре действовали собственные учебные базы. Несколько месяцев курсант Острожный работал чертежником, затем его определили на учебу в разведшколу. После специальной подготовки командировали в отдельную разведчасть в составе 1-го Украинского фронта под командованием маршала Конева. Разведчик Глеб Острожный прошел с боями Украину, Польшу, участвовал в Львовско-Сандомирской и Висло-Одерской операциях. В начале 1945 года он был ранен, а после госпиталя направлен в оперативный отдел штаба 10-го Арткорпуса прорыва резерва Главного командования, где был назначен заведующим отделом совершенно секретного делопроизводства (под грифом секретности «00»).

В апреле 1945 года началась грандиозная наступательная операция на Берлин. В этот напряженный момент в штаб 10-ого Арткорпуса был направлен младший лейтенант Евгений Астахов. На подступах к главной фашистской цитадели судьба свела двух молодых батумцев – Глеба и Женю. Их дружба прошла испытание огнем, водой и медными трубами. 2 мая столица Германии была практически полностью занята советскими войсками. А 6 мая их корпус форсированным маршем кинули на защиту Праги. Мир был опьянен от счастья – завершилась самая кровопролитная в истории человечества война, а они продолжали проливать кровь. На военном мемориале в честь освободителей Праги испытываешь шок при виде бескрайнего поля солдатских надгробий с одной датой – 9 мая 1945 года.

– После Дня Победы оже-

сточенные бои в Чехии продолжались еще неделю. Фашистская группировка «Центр» была окружена, около полумиллиона вражеских солдат и офицеров были взяты в плен, те, кто отказывался сдаться, были уничтожены. Чехи встречали советских солдат с распростертыми объятиями, – вспоминает Глеб Николаевич. – Я был свидетелем того, как хоронили в предместье Праги одного нашего офицера: за катафалком, запряженном гнедыми лошадьми, шли девушки в белых подвенечных платьях, играл оркестр, за ним почти на полкилометра растянулась процессия горожан.

О, МОЛОДЫЕ ЛЕЙТЕНАНТЫ СВОИХ СУДЕБ

Одна из самых дорогих реликвий в архиве Острожного – снимок, датированный 9-м мая 45 года. На фоне цветущих деревьев в полный рост стоят два лейтенанта – Глеб Острожный и Женя Астахов. Два двадцатилетних батумских мальчика,

Евгений Астахов и Глеб Острожный под Прагой. 9 мая 1945

Тимофей Астахов, герой Плевны

прошедших горнило войны. Уцелевшие, сохранившие, как докажет будущее, светлый взгляд на мир, благородство души. Глядя на них, вспоминаешь строки Марины Цветаевой, посвященные молодым генералам 1812 года: «Вам все вершины были малы/ И мягок – самый черствый хлеб,/ О, молодые генералы своих судеб!». Наши герои не дослужились до высоких чинов, но заслужили ордена и медали. О них уместно сказать и другими цветаевскими словами: «Три сотни побеждало – трое! / Лишь мертвый не вставал с земли. / Вы были дети и герои, / Вы все могли».

– В июне наше Управление передислоцировалось в небольшой словацкий городок Малацки, – продолжает свой рассказ Глеб Николаевич, – от нечего делать я стал писать повесть о войне. Как-то вечером собралась небольшая компания, и я стал читать первую главу. Прослу-

шав ее, Женя глубокомысленно сказал: «Да-аа, за эту повесть тебе можно дать тысяч десять и десять лет лагерей». Мы тотчас сожгли исписанные страницы. Я первым начал писать прозу, а писателем стал Женя.

– После вывода войск из Чехословакии мы продолжили службу в Венгрии. Жили в небольшом городке, в свободное время прирастались ездить на охоту, облюбовав большой остров в протоке Дуная. Наша квартирная хозяйка готовила из охотничьих трофеев вкусные блюда. К столу мы приглашали хозяина дома, но он выпивал только полстакана спирта, неизменно приговаривая: «Разве можно вкус испортить!». Хозяйка относилась к нам, как к сыновьям, и прощала мальчишеские шалости. Однажды Женька из мякоти сыроватого хлеба соорудил «недостающий орган» и прилепил его к распятию, висевшему на стене. Хозяйка не стала нас ругать, но вынесла из комнаты все атрибуты веры. Несколько раньше мы попали в переделку на празднике урожая, который отмечали в клубе. Гремела музыка, кружились в вальсе пары. Один из местных пускал в зал ленту серпантина. Женя попросил и ему дать ленту, а в ответ получил грубое ругательство. Астахов врезал обидчику по-боксерски, да так, что парень рухнул на пол. Началась свалка. Мне пришлось выхватить пистолет и два раза выстрелить в воздух, чтобы остановить ретивых. Примчалась полиция. Я по-немецки объяснил, что у нас, кавказцев, самым большим оскорблением считается ругань матери. После этого инцидента полицейские городка стали нас уважать и при встрече всегда отдавали честь.

– Наше пребывание в Венгрии закончилось для Жени драматически, – рассказывает Острожный, – фашисты продолжали сопротивление, подкарауливали офицер. Нас обстреляли на Эстергомском шоссе, Женя был тяжело ранен. В госпитале в Будапеште его проопериро-

вали, а через два месяца демобилизовали как инвалида Великой Отечественной войны. Прощаясь, мы условились, что на гражданке продолжим учебу в Тбилиси.

ВОПРОСЫ КРОВИ – САМЫЕ СЛОЖНЫЕ ВОПРОСЫ В МИРЕ

Они действительно встретились, стали студентами строительного факультета Грузинского политехнического института.

Роман «Мастер и Маргарита» в годы их студенчества был запрещен, до оттепели было еще далеко. И Глеб Острожный не мог знать цитаты о том, что вопросы крови – самые сложные в мире, однако удивился не меньше, чем булгаковская Маргарита, избранная королевой бала Воланда, когда увидел на стене в скромной квартире своего друга портрет величественного казачьего полковника в белой бурке и папахе. «Мой прадед, а юридически дед – Тимофей Астахов, – пояснил Женя. – Полковник Императорского конвоя, телохранитель Великого князя Александра Николаевича, будущего императора Александра Второго».

– Вот тут-то Женя посвятил меня в семейную историю, – говорит Глеб Николаевич. – Терский казак Тимофей Астахов прослужил в Императорском конвое 18 лет. В молодости принимал участие в Кавказской войне, участвовал в штурме аула Гуниб и пленении имама Шамиля в 1859 году. Во время Туркестанского и Хивинского походов был в составе армии под командованием генерала Скобелева. В 1877-1878 годах сражался на русско-турецкой войне, под Плевной был тяжело ранен и потерял правую руку. За верную службу и храбрость полковник Астахов получил большие наделы земли в Моздокском уезде и наследственное место в царском конвое. Кроме того, он владел нефтяными участками в районе станицы Грозной, построил в Кисловодске затейли-

вый «Золотой замок». Вот только наследника у него не было. Единственная дочь Прасковья Тимофеевна вышла замуж за Антона Твалчрелидзе, инспектора народных училищ Ставропольской губернии, получив в приданое «Золотой замок». Твалчрелидзе вышел в отставку в чине статского советника и занялся управлением поместий тестя, селекцией сортов винограда, экспериментировал в области энологии. Его усилиями винный подвал «Золотого замка» получил отдельный статус памятника архитектуры. В 1908 году Твалчрелидзе купил поместье в Цихисдзири в окрестностях Батуми, и много сделал для развития первых цитрусовых и чайных плантаций Аджарии. Был одним из основателей Тбилисского университета и некоторое время являлся проректором этого вуза. Он – автор фундаментальных трудов по социологии Ставропольской губернии, в середине прошлого века его исследование было переиздано в факсимильном варианте. Похоронен Иван Антонович на семейном кладбище в Цихисдзири.

У супругов Твалчрелидзе было два сына. Старший Александр родился хрупким, а второй – Евгений крепышом. Дед-полковник, увидев Евгения, сказал: «Вот этот – настоящий казак!». По воле старика Астахова, мальчика записали на фамилию, чтобы не терять наследственного места в Императорском конвое и упростить сложности при оформлении немалого дедовского имущества. Так два брата стали носить разные фамилии. А в истории семьи тутим узлом переплелись две ветви – грузинская и русская.

Старшему сыну Антона Твалчрелидзе и Прасковьи Астаховой – Александру Антоновичу Твалчрелидзе довелось прославить грузинскую науку. Он окончил Московский университет, был учеником В.И. Вернадского. С 1919 года Александр Твалчрелидзе – профессор Тбилисского университета.

В советское время создал Закавказскую минералогическую школу, Кавказский институт минерального сырья (КИМС). Научные исследования ученого посвящены петрографии и минералогии магматических и осадочных пород Грузии. Он первым изучил Гумбрийское, Асканское и другие месторождения отбеливающих глин. Автор учебников по геологии на грузинском и русском языках – «Введение в оптику кристаллов» (1938), «Петрография магматических пород» (1950). За особые заслуги в области науки академику Твалчрелидзе было передано в бессрочное наследство поместье в Цихисдзири. Он был удостоен трех орденов Ленина и двух орденов Трудового Красного Знамени. После его кончины место директора КИМСа занял его сын академик Георгий Твалчрелидзе.

НАСЛЕДНИК МЕСТА В ИМПЕРАТОРСКОМ КОНВОЕ

– Младший брат будущего академика Александра Твалчрелидзе Евгений Астахов, отец моего друга Жени, при царизме мог стать «фигурой, приближенной к императору», – рассказывает Глеб Острожный. – Но ничего этого в биографии Евгения Тимофеевича Астахова не произошло – дед дал ему и свое отчество – и не только по причине революционных катаклизмов.

Вслед за старшим братом Евгений поступил в Московский университет, на юридический факультет. Но по специальности никогда не работал и до 1915 года вел свободный образ жизни. Теперь бы его назвали плейбоем: увлечение спортом принесло Астахову титул чемпиона Москвы по атлетическому телосложению (современному бодибилдингу). Женился он на Наталье Павловне Моисеевой, окончившей Высшие женские курсы в Москве. В 1916 году Евгений Тимофеевич остепенился и занял место смотрителя (начальника) Банковского рыбного промысла на Каспии. Со вре-

менем он стал крупным специалистом по рыбному промыслу, а также зарекомендовал себя опытным инспектором-бракером ценных древесных пород, идущих на экспорт. Евгений Тимофеевич не оправдал надежд нареченного отца и отказался от места в Императорском конвое, передав свои права по наследству старшему сыну Николаю, родившемуся в 1910 году.

Николай Евгеньевич Астахов прожил свой век в Тбилиси, уезжая только в командировки с геологическими партиями. Доктор наук Николай Астахов является автором геоморфологических карт Закавказья и Сирии, он также занимался океанографическими исследованиями акваторий Закавказского побережья Черного моря. А еще он писал стихи. И свою полуподвальную квартиру на мтацминдской улице Арсена в шутку называл «поэтической мансардой».

– В «мансарде» можно было застать такую картину: Коля читает стихи и готовит суп, а его жена Ия играет на гитаре, – вспоминает Глеб Николаевич. –

Полковник Тимофей Астахов с внуками
Евгением и Александром

Николай Астахов

Астаховы постоянно устраивали капустники, на которых хозяин дома читал произведения классиков и свои собственные стихи. Звучали романсы, сыпались шутки и остроумные экспромты. Было шумно и весело.

— Постоянными гостями «мансарды» были руководитель геологической партии Вася Панцулая, распевавший оперные арии и по просьбе дам романсы Вертинского, геолог Жора Ауце вместе с женой Нонной Дмитриевной, привившей любовь к литературе нескольким поколениям тбилисских школьников, будущий член-корреспондент Академии наук Грузии, профессор Отар Мchedлов-Петросян, писавший лирические стихи. Приходил Фокин со своими тремя дочерьми, одна из которых вышла замуж за Леву Кулиджанова, который в те времена подрабатывал десятником в геологической партии, — рассказывает Острожный. — В доме царил дух свободы, а ведь стояло время, когда за анекдот могли сослать на Колыму. Племянник

Какуцы Чолокашвили (имя которого и произносить было опасно) — Ника Химшиашвили однажды рассказал, что в начале 30-х годов он проходил практику в горах Кавкасион и никак не мог наладить теодолит. Невдалеке стоял, опершись на посох, чабан в бурке и мохнатой папахе и внимательно наблюдал за его безуспешными попытками. Кончилось тем, что чабан подошел к теодолиту и наладил его, и на немой вопрос Ники кратко сказал: «Я — Лоуренс», повернулся и неспешно удалился.

— После войны было голодно, многие ездили в Кахетию, чтобы обменять старые вещи на продукты, эти поездки Коля описал, перефразировав песню «Прощай, любимый город»: «Прощай, любимый Гори, / Уходим завтра в Цнори, / И ранней порой / Мелькнет за спиной / Мешок с кукурузной мукой...».

За год до смерти Николая Евгеньевича в 1992 году вышел сборник его лирических стихов, в который вошли его лучшие произведения, большинство из которых посвящены любимой Грузии. В стихотворении 1939 года у Н.Астахова есть такие строки: «Под виноградниками шелест / Под вечер будит тишину... / Благослови, любой пришелец, / Обетованную страну!». В венке сонетов «Кавказ» Астахов написал: «Хребты в причудливых изгибах / Мой снова восхищают глаз. / Не знаю — без тебя Кавказ, / Поэты обойтись могли бы?».

— После развода с первой женой, закончилась «богемная» жизнь Николая Евгеньевича. Вторая жена Натела родила ему сына Георгия, — говорит Глеб Острожный. — Наш друг стал меньше писать стихов, занялся наукой.

Сейчас трудно сказать, знали ли друзья молодости Коли Астахова, что распивают чарку в компании наследника места в Императорском конвое. Наверное, Николай Евгеньевич сам вспоминал об этом редко. Столько всего интересного вме-

стилось в его жизнь, ведь он стал свидетелем крушения двух империй — царской и советской. В годы восстановления независимости Грузии семейная история замкнула круг: сын Николая Астахова — Георгий, кандидат геологических наук, вернул себе исконную фамилию Твалчрелидзе.

«СВОБОДНАЯ ПРОЗА»

Как же сложилась после войны судьба наших главных героев — Жени Астахова и Глеба Острожного? Окончив ГПИ, Астахов получил распределение на строительство Куйбышевской ГЭС. Несколько лет проработал инженером-конструктором. Но творческое начало взяло верх, и он стал писать прозу, снимать документальное кино. На этом поприще полностью раскрылись его таланты. В 60-е годы прошлого столетия он стал главным редактором Куйбышевского телевидения, а в 1968 году окончил Высшие литературные курсы Союза писателей СССР. Евгений Евгеньевич Астахов — автор более сорока книг и сценариев кино- и телефильмов. В

Антон Твалчрелидзе с сыном Евгением

Александр Твалчрелидзе

годы перестройки он основал культурно-просветительское предприятие «Самарское слово», благодаря которому увидели свет многие литературные произведения.

О своем творчестве Евгений Астахов отозвался так: «То, что я издал до 1991 года, себе в актив не записываю. То, что я оставляю после себя – будет восемь томов избранной прозы, которые выходят после 1992 года. Это – свободная проза, за эти книги я несу полную ответственность». В 2000 году в Самарском отделении Союза журналистов России прошла презентация шеститомного собрания его произведений, а спустя пять лет вышли два тома его исторического романа «Река времени». Супруга Вера Михайловна (урожденная Мальцева) была его литературным секретарем. Старший сын Юрий родился в Тбилиси, он – руководит архитектурной фирмой. Второй сын – третий Евгений в роду Астаховых преподает в педагогическом институте.

Писатель Евгений Астахов ушел из жизни в марте 2013

года.

...После института Глеб Николаевич Острожный остался жить в Тбилиси. Он много трудился в сфере гражданского строительства, зарекомендовав себя настоящим профессионалом. Заслуженный строитель Грузии участвовал в реконструкции здания Верховного Суда, Союза писателей Грузии, строительстве Дома кино, Института физики полупроводников и целого ряда других зданий. У него большая семья, несколько внуков, которым он передал не только свои знания, но редкое умение ценить дружбу, верность, человеческое достоинство. Он мужественно перенес тяжелые утраты последних лет – потерю любимой супруги и одного из сыновей. Однако этот сильный и яркий человек продолжает вести активную общественную жизнь, участвует в работе Совета ветеранов ВОВ Сабурталинского района столицы.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА: ПРИКЛЮЧЕНИЯ В «ДЖУНГЛЯХ»

Заслуженный журналист Грузии Леван Долоидзе, опубликовавший статью в газете «АиФ» о фронтовых товарищах Острожном и Астахове, закончил свою публикацию словами: «им выпала счастливая участь дважды отпраздновать День Победы – в поверженном Берлине и в освобожденной Праге». Сам Глеб Острожный, рассказавший на страницах «Вечернего Тбилиси» историю семьи Астаховых-Твалчрелидзе, назвал статью «Сеящие добро».

Посеянное добро дает добрые всходы. Моя любимая подруга детства Наташа Ауце, переехавшая в Москву, в одном из недавних телефонных разговоров, замкнувшись на болезнях, услышав, что я готовлю публикацию о писателе Евгении Астахове и его окружении, закричала от радости:

– Женька Астахов! Так я же все детство слышала это имя от папы.

Да простится нам фамильное обращение «Женька». Наташиного отца – тбилисского латыша, похожего на Жерара Филипа в роли Фанфана-Тюльпана, остролиста и талантливого инженера Дмитрия Андреевича Ауце, мы, малявки, за глаза тоже называли «Димкой» – такой у него был легкий и бесшабашный характер.

Евгений Астахов

– Ты же помнишь, что у нас в доме всегда собирались компании, но когда приезжал Женька – начиналась настоящая кутерьма. Он и для меня был кумиром, читавшим свои озорные стихи о семейке «леопердов», о приключениях «в джунглях»! Это было так забавно и здорово. Как жаль, что не могу вспомнить эти полные юмора «опусы». Прочитала бы сейчас своей внучке, она девочка с юмором, оценила бы!

Эмоции Наташи Ауце дополняют портрет Евгения Астахова, вобравшего в себя гены лихого казака и нескольких поколений грузинской и русской интеллигенции. Наверно, это огромное счастье, когда о человеке вспоминают с улыбкой и радостью. И когда есть верный друг – такой, как Глеб Острожный, сохранивший для нас удивительные истории, объединенные берегами реки времени.

МОЯ ДОРОГАЯ НАТАША

■ Анаида БЕСТАВАШВИЛИ

Все, что я попытаюсь объяснить ниже, я поняла сразу – к тому времени уже научившись различать на редких лицах печать призвания и вдохновения. «Господи, подумала я, да ведь это молодая Цветаева!» Про такие сияющие дивным светом глаза галантные кавалеры задолго до рождения Наташи восторженно спрашивали: «Сколько карат в Вашем взгляде?!» С благословения мудрого наставника Льва Озерова и при моей горячей поддержке Наташа была зачислена в грузинскую группу Литинститута. Института, о котором давно принято спрашивать: разве можно научить человека быть писателем? Отвечаю, опираясь на собственный опыт учебы и преподавания в стенах Дома Герцена: можно и нужно, если у студента есть такая малость как талант. У Наташи талант яркий, страстный, движимый нервом. А знания она получила, как говорится, из первых уст – лучшие специалисты Грузии по истории, искусству, фольклору, классической и современной литературе читали лекции горстке счастливиц. Конечно, можно сказать, что в известной степени Наташе повезло: она проходила практику, стажировку, а потом сотрудничала и работала в таких уникальных культурных структурах, как русская редакция издательства «Мерани», руководимая легендарным М.И. Златкиным, и Главная редакционная коллегия по художественному переводу и литературным взаимосвязям, возглавляемая умницей и интеллигентом О.Ф. Нодия. Именно в Тбилиси увидела свет первая книжка стихов и переводов, убедившая читателей в том, что у старших коллег Б.Ахмадулиной, В.Леонovichа и других наших друзей, увы ушедших из жизни, появилась надежная смена. В небольшом по объему сборнике Наташи Соколовской уместилась целая плеяда грузинских поэтов, в том числе Тамаз и Отар Чиладзе, Джансуг Чарквиани. Нет нужды оценивать эти переводы. Они признаны практически всеми. Поделюсь только цитатой из однокурсника и большого друга Наташи – Александра Златкина-Браиловского, который много лет не устает повторять, что самую неприступную красавицу и недотрогу можно соблазнить, декламируя ей лирику Отара Чиладзе в переводах Соколовской. Да, последние годы Наташа пишет прозу, и прозу замечательную – рассказы, повести, романы, и здесь она тоже получила заслуженное признание. Но я все равно не верю, что она не вернется к поэзии и переводам. Ведь она уже приняла ответственность за грузинско-русские связи и продолжает служить им по сей день, как составитель и редактор поистине уникальных проектов. Это ее стараниями увидели свет такие раритетные книги, как подстрочный перевод поэмы Руставели с бесценным научным аппаратом (два издания), роман-исследование Галины Цуриковой о Тициане Табидзе с корпусом стихов Тициана (издание приурочено к юбилеям Тициана и Бориса Пастернака). Ранее были осуществлены «Запретный дневник»

Анаида Беставашвили с супругом

трагической Ольги Бергольц и знаменитая «Блокадная книга» Даниила Гранина. Работая в Санкт-Петербурге, Наташа снискала прочный авторитет прекрасного редактора, инициатора серьезнейших изданий. Уроженка этого удивительного города Наташа унаследовала его заметные черты – несгибаемость, интеллигентность, культуру. Такое впечатление, что Наташа, начиная свой творческий путь, поклялась говорить правду, только правду и ничего, кроме правды. В современной России – это едва ли не большая редкость, чем самый «навороченный» талант. Мало кто посмел писать так открыто и прямо о событиях в Грузии (от 1989, включая 2008, и по сей день), о которых принято по общему согласию умалчивать. Она же говорит и пишет об этом постоянно. Работая в Лениздате, Наташа как ведущий редактор не побоялась поддержать и выпустить в свет книгу выдающегося азербайджанского писателя Акрама Айлисли, едва не поплатившегося жизнью за свой роман «Каменные сны», в котором он описал ужасы армянских погромов в 1988-90 годах. Если Наташа и «изменяла» родному Питеру, то только с таким же родным Тбилиси и немного, совсем «платонически» с Парижем. В Тбилиси она давно уже «наша Наташа». Какую-то из публикаций она даже подписала калькой своей фамилии Миминошвили («мимино», как всем известно, означает «сокол»). Звучит естественно! В Тбилиси она жила у Ниты Табидзе, потом с любимым мужем, талантливым поэтом-переводчиком Тенгизом Патарая, там же родился ее единственный сын Ника, уже проявивший себя как одаренный переводчик. К своему юбилею молодая и красивая Наташа стала бабушкой пока еще совсем маленького Марка. Пожелаем им всем здоровья, счастья и успехов. Я счастлива повторять еще и еще раз, что сегодня Наталия Соколовская известный и признанный поэт, прозаик, серьезный литературный и общественный деятель. Есть чем гордиться. Поздравляю, моя дорогая Наташа!

Тамаз Чиладзе

ВЕЧНАЯ ТАЙНА

■ Тамаз ЧИЛАДЗЕ

Перевод с грузинского Анаиды БЕСТАВАШВИЛИ

Мне хочется сначала же вспомнить одну строчку из Наташи Соколовской, которую я почему-то представляю как ее автопортрет: «Всю волю соберя в кулак, сидит с закушенной губою». Это словно штрих настоящего художника-графика, но дело как раз в том, что такая многозначительная точность подвластна только слову, и мы видим не только до крайности напряженное лицо поэта, но и сжатую в одну горсть всю его жизнь, полную боли. В данном случае мы говорим об одном из лучших поэтов, который в эпоху сегодняшнего лже-авангардизма отличается некой «странностью», заставляющей преданно следовать жесточайшим законам классического стиха, чтобы еще раз напомнить нам о том, что чем больше мы преданны неприступности канонизированных традиций, тем чаще и вернее обнаруживаем неожиданную новизну, ту самую, которой именно неожиданность придает облик подлинности. Наташа Соколовская, действительно, на редкость привержена классической поэзии, которую великие петербургские поэты превратили в своеобразный волшебный ларец, пополняющий существующую реальность совершенно новыми и в то же время удивительно знакомыми мирами. Я убежден, что для Наташи Соколовской жизнь в этом городе уже стала своеобразной обязанностью и стимулом и, главное, силой преодолевать то одиночество, которое издревле и совершенно справедливо стало синонимом поэтического творчества. «Господь оставил меня живой, чтобы я услышала свое имя, произнесенное тобой», — эта удивительная, эмоциональная фраза, которую именно эмоциональность превращает в музыкальную тайну. Ничто так точно не выражает, не определяет или, если угодно, не раскрывает своеобразие лирики Соколовской как строка Мандельштама, вынесенная Наташей эпиграфом к одному из ее стихотворений: «И женский плач мешался с пением муз». И вправду, главным двигателем лирики Наташи является печаль женщины, которой Господь даровал огромную любовь, только... приговорил нести эту непомерную ношу одной! И мы

видим, словно очнувшись в незнакомой обстановке, потрясенную женщину, уже вообще не помнящую, существует ли соловей, цветет ли акация, поют ли дети, и все равно продолжающую бороться, чтобы как-нибудь вырваться из заколдованного круга монотонного бытия. В литературе не много жанров, столь сильно заряженных противоречиями и жадной борьбы, как, на первый взгляд, безобидная, изящная лирика. Достаточно обратиться к наследию великой соотечественницы Наташи Соколовской Анны Ахматовой. Лирику вообще характеризует еще и та особенность, что она может объявиться в самом неожиданном месте, оставаясь при этом доминирующей интонацией произведения. Я имею в виду настоящую прозу, а не так называемую «прозу поэта», тот самый термин, который литературоведы часто используют для оправдания слабости сочинения (если это вообще можно оправдывать!), но используют, разумеется, тщетно. Я не понимаю, каким образом появился этот термин в мире, где поистине великие прозаические творения созданы поэтами. Чтобы не уходить далеко от России (хотя в мировой литературе существует масса подобных примеров), напомним, что никому в голову не пришло называть прозу Пушкина или Пастернака «прозой поэта», хотя, по моему мнению, в России нет поэтов лучше. Вспоминаю один такой пассаж из прекрасной прозы Наташи Соколовской: в душном от выхлопных автомобильных газов городе, в пространстве, тесно схваченном бетоном, асфальтом, камнем и железом, кто-то на чудом уцелевшем клочке земли сажает зеленый стебелек, не потому, что жаждет урожая, а по причине куда более значительной (впрочем, не ведомой автору или свидетелю этого сакрального действия) — человек ищет землю, им движет ностальгия по земле, подобно узнику, роющему лаз в своей камере для побега из тюрьмы, ибо его зовет на волю внешний мир, полный облаков, звезд, радуг, чего он, скорее всего, никогда больше не увидит. Это интуитивный порыв, устремленность к собственной, безнадежно забытой сущности. Наташа Соколовская — превосходный переводчик, понимающий, что перевод — это, правда, неосознанная, но активная попытка обнаружить родство или похожесть народов, иначе в литературе не появился бы этот жанр, не просто необходимый, но и обязательный. В ее переводах стихи грузинских поэтов приковывают внимание, и это не удивительно, поскольку она переводит поэтов разных, но интересных для всех, переводит их такими, какие они есть, будь то Тициан Табидзе или Отар Чиладзе. Вместе с тем, руку мастера дополнительно направляет великая сила, называемая любовью — разве возможно не любить родину своего ребенка или страну, где ты причастилась самому главному для женщины счастью в этом мире?! И наконец, лично я, даже если бы не имел никакого отношения к писательству, не слышал бы никогда имен равнодушных и недоступных муз, как обычный простой житель Грузии я выразил бы глубочайшую благодарность Наташе Соколовской, хотя бы за то, что она в наше крайне сложное и напряженное время стала инициатором и исполнителем уникального издания нашей национальной святыни «Вепхисткаосани» в Санкт-Петербурге. Несмотря на то, что я намеревался очень коротко сказать о творчестве Наташи Соколовской, все равно оказался невольной жертвой многословия — из чего следует, что я сказал о поэте меньше, чем собирался.

НАТАЛИЯ СОКОЛОВСКАЯ

Родилась в Ленинграде. Окончила Литературный институт им. Горького. Десять лет жила в Грузии. Автор поэтических сборников: «Природа света»; «Незапечатанные письма»; «Ангелы навсегда». Автор книг: «Литературная рабыня: будни и праздники», «Любовный канон», «Вид с Монблана», «Рисовать Бога».

Член Союза писателей Санкт-Петербурга, Российского Союза писателей, Международного Пен-клуба и творческого союза «Мастера литературного перевода».

Наталья Соколовская – автор идеи и координатор уникального совместного российско-грузинского проекта «Ш.Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Билингва». Редактор книги «Шота Руставели. Вепхисткаосани (Витязь в тигровой шкуре) Подлинная история». Редактор книги Г.Цуриковой «Тициан Табидзе: жизнь и поэзия».

Автор проекта «Ольга. Запретный дневник», посвященного О.Берггольц, и проекта «Я буду жить до старости, до славы... Борис Корнилов».

Ведущий редактор сборников блокадных дневников ленинградцев, а также нового издания «Блокадной книги» А.Адамовича и Д.Гранина.

ОТАР ЧИЛАДЗЕ

ПЕРЕВОД С ГРУЗИНСКОГО НАТАЛИИ СОКОЛОВСКОЙ

Листья за ночь усыпали двор,
словно сдернули вниз покрывало.
Неожиданно и небывало
перед нами раскрылся простор.
Даль проснуться никак не могла.
Мгла, как пальцы слепого, дрожала...
Ты уже расправляла крыла...
Что тебя на земле удержало?

ДАЧА

Раскрытые книги усыпала хвоя,
усыпала хвоя и плечи, и спины...
Но что-то сегодня творится с тобою:
грустишь и смеешься без явной причины.
А хвоя летит на столы и страницы.
И шахматы ею усыпаны тоже.
Ты тщетно пытаешься с чем-то смириться,
смятенье тебя безотчетное гложет.
Ты дачный роман разыграл как по нотам,
для дачниц прелестных плетя небылицы.
Но что-то тебя беспокоит. А «что-то» –
лицо, заслонившее прочие лица.
Ты встретил ее в городской суматохе.
Стояло такое же душное лето.
И ты обернулся и замер на вздохе.
И даже не понял, что значило это.
Как город, лицо некрасивое было,
прекрасное было, как город, и злое.
и в нем милосердие тайно сквозило,
и это тебе не давало покоя.
Не знаешь ты, что для тебя это значит...
...А книги, наверно, листают для виду.

И пусты кто не сведущ – ночами не плачет
и на мирозданье не копит обиду.
И вдруг – этот поезда крик на вокзале!
И город грохочущий – ближе и ближе,
как боль, что тебе на роду предписали,
и, стало быть, время ее не залижет.
А поезд кричит и кричит, протестуя.
И пот проступает на рельсовой стали.
...А ты вспоминаешь улыбку простую.
Такие встречаться уже перестали.

СНЕГ МАРИНЫ

Снег пошел, понимаешь, Марина!
Я просил. И к скончанию дня
снег лелеянный, снег лебединый
снизошел наконец на меня.

Ждал я долго. Как темная птица,
взгляд мой в небо летел сквозь окно.
Снег пришел, чтоб ко мне обратиться.
С чем – не знаю. И знать не дано.

Он как дар, что ниспослан немногим.
Он – твоя молодая душа.
Он сбивает меня с полдороги.
Я, как путник, застыл не дыша.

Мне казалось, я шел, а на деле –
ждал тебя, подчиняясь судьбе!
Эти вечнозеленые ели
облегчают мне мысль о тебе.

Снегопад, как беспамятство, длинный.
Женским трепетом полон простор.
Ты сегодня так близко, Марина,
как еще никогда до сих пор.

ВСТРЕЧА

Блестят зимы приподнятые плечи.
Пальто, как тень, валяется у двери.
Он говорит – как будто это лечит.
Он говорит. Она молчит. И верит.

Она глядит с улыбкой на мужчину.
Она тихонько гладит одеяло.
И так, как ей чутье продиктовало,
утаивает счастья половину.

Он говорит, и суть его рассказа
поймут, наверно, только эти двое.
Так пылко он не говорил ни разу.
Он искренен сейчас с самим собою

и с миром искренен сейчас, – а это
освобождает от всего, что ложно.
Молчат одушевленные предметы,
и занавески дышат осторожно.

Быть мертвыми предметам не по вкусу.
И, на людей взирая с замираньем,
они поддались их переживаньям,
как самому горячему искусу.

Как хорошо. Покой. Полутемно.
Стучат часы, похожие на птицу.
Проходит непогода сквозь окно,
чтоб в зеркале спокойно разиться.

Они лежат. Как легкое весло,
ее рука спускается с кровати.
Всю суету волною отнесло.
Ничто не нарушает благодати.

Да будет так. Пусть хоть на эту ночь
от них отступят смута и усталость,
не вспоминают пусть, что превозмочь
разлуку никому не удавалось,

что всякой радости выходит срок,
что горечь стала жизненной основой,
что существует непреклонный рок
помимо географии суровой.

Есть всюду поле, проволока, столб...
Граница слуха, языка и зренья...
Но сердце для того дается, чтоб
развилося безграничное терпенье.
И мира грязь, осевшую на дно,
вода уносит – так легко и просто –
ценой их ласки.
И глядит в окно
ночь,
как привставший на носках подросток.

Опять мучительный, как тайна,
трепещет воздух разогретый.
В следах жары необычайной
бесшумно отступает лето.
(Мы расстаемся. Так решила
судьба. И непреложно это.)
Желтеет тополя вершина.
Бесшумно отступает лето.
Воспоминанье стало прахом.
Распалось, временем задето.
Ночь дышит воздухом и страхом.
Бесшумно отступает лето.

Я в упряжь новую ввязался.
А между тем нагрнул срок
сознаться в том, в чем не сознался,
и тех простить, кого не смог.
Я, в упряжь новую впряженный,
лечу, как в прежние года.
Уставший, жизнью обожженный,
лечу, как прежде, но – куда?
Все, что казалось так далеко,
приблизил я ценой потерь.
Совсем иная подоплека
у бега моего теперь.
К непостижимому тянулся.
Приблизился – и в тот же миг
я пожалел и отшатнулся
ото всего, что я постиг.
Я сам себя обманом тешу,
что не умолкли соловьи,
что думы и желанья те же,
как в прежние года мои.
Но я лечу, распятый, тяжкий,
познавший боль, и свет, и срам,
в несуществующей упряжке
к несуществующим мирам.

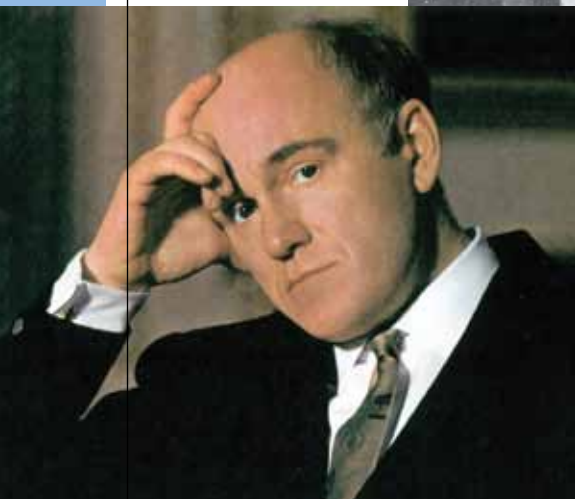
КРЕМАЦИЯ СТАРЫХ СТИХОВ

Я прав... Перед собой и небом прав!
А ветер мне цеплялся за рукав.
Но ветер слаб. Судьба не виновата.
Я вижу, как горят, ладонь разжав,
стихи, тобой любимые когда-то.
Так я сидел и пламя сторожил.
И различал потрескиванье жил.
Побеги звезд в окне росли и крепи.
Стихи мои – вот в этом легком пепле.
А я, глупец, всю душу в них вложил!

**МКПС «Русский клуб» и редакция журнала
«Русский клуб» сердечно поздравляют Ната-
лию Соколовскую с замечательным юбиле-
ем и желают крепкого здоровья, творческого
долголетия и новых публикаций на страницах
нашего журнала!**

Святослав Рихтер (крайний справа) в гостях у Елены Ахвледяни

Великий Святослав Рихтер

■ **Гулбат ТОРАДЗЕ**

2015 год для музыкального мира прошел под знаком великого пианиста Святослава Рихтера (1915-1997).

Имя Рихтера обладает поистине магической силой для всех, кто хоть раз слушал его в концертах. Он навсегда останется одним из величайших пианистов «всех времен и народов», в блистательном искусстве которого сочетались бурный вулканический темперамент и строгий интеллект, огромная творческая фантазия, тонкий художественный вкус и артистизм высшей марки.

Каждый концерт Рихтера становился для слушателей событием жизни, ибо в них, помимо эстетического совершенства,

отражались волнующий дух и динамический пульс эпохи.

Невольно вспоминается знаменитое наизидание Бетховена: «Музыка должна высекать огонь из души человека». И можно сказать, что именно этим и отличается искусство Рихтера.

Репертуар пианиста выделялся редкостным разнообразием, подлинной универсальностью, включая почти все известные образцы мировой фортепианной литературы, от прелюдий и фуг И.С. Баха и до творений его великих современников – С.Прокофьева и Д.Шостаковича.

Из более частных, конкретных черт замечательного пианистического искусства Рихтера следует отметить исключительное богатство звуковой «палитры», подчеркнуто контрастное противопоставление напряженной динамики и тончайшего, «прозрачного» пианиссимо.

Словом, это был художник не только исключительной мощи и яркой творческой индивидуальности, но и подлинный универсал, «гроссмейстер» пианистического искусства, вечно памятный для всех, кто когда-либо слушал его.

Святослав Теофилович Рихтер родился 20 марта 1915 года

в городе Житомире, но детские и юношеские годы провел в Одессе. Музыкаю начал заниматься под руководством отца-пианиста и органиста, а затем, по существу, – стал самоучкой.

В энциклопедических справочниках можно встретить такую озадачивающую запись: «В 1937-1946 г.г. (с перерывами) учился в Московской консерватории в классе Г.Г. Нейгауза (диплом получил в 1947 г.)».

Невольно возникает вопрос: а почему с перерывами?! Оказывается, потому, что он категорически отказывался посещать лекции и сдавать экзамены по пресловутым советским «политическим предметам», за что его дважды (!) исключали из консерватории. Восстанавливали же Славу благодаря настоятельным требованиям его педагога, авторитетнейшего профессора Консерватории Генриха Густавовича Нейгауза (1888-1964).

Не могу не привести здесь слова Нейгауза при первом знакомстве со своим будущим учеником: «Он не получил никакого музыкального образования, нигде не учился, и мне сказали, что такой вот юноша хочет поступить в консерваторию. Он сыграл Бетховена, Шопена и я прошептал окружающим: «По-моему, он гений»!

Не правда ли, замечательно!

Уже в годы учебы в Московской консерватории Рихтер завоевал имя талантливого молодого пианиста (стал победителем всесоюзного конкурса пианистов в Москве, 1945 г.), с нарастающим успехом выступая в разных городах страны, в том числе и в Тбилиси (подробно об этом ниже). А затем и за рубежом – сначала в социалистических странах Европы, а с 1960 года – во многих странах мира, в т.ч. в США. Был удостоен звания лауреата Государственной (1950) и Ленинской премии (1961), народного артиста СССР (1961), а затем – Героя социалистического труда (1975). Выступал с крупнейшими оркестрами и дирижерами мира, а в ансамбле – с Д.Ойстрахом, Д.Шафраном, О.Каганом, аккомпанировал замечательным музыкантам: певцу – Д.Фишеру-Дискау, камерной певице Нине Дорлиак (своей супруге).

Рихтер, как и его учитель – Г.Г. Нейгауз, несомненно, самые харизматические фигуры русского (советского) пианистического корпуса. Оба они – великий Учитель и великий Ученик – были тесно связаны и творчески и человечески с Грузией, где их несравненное, вдохновенное искусство неизменно пользовалось горячей любовью и признанием.

Грустная китайская сентенция гласит: «Часы идут, дни бегут, годы – летят». Все меньше остается людей, лично знавших и слушавших этих вдохновенных творцов, музыкантов от Бога.

Не могу, к сожалению, похвалиться близким знакомством с великими пианистами, но никогда не забудутся не только их выступления на концертной эстраде, но и пусть даже краткие минуты общения с ними, одарившие незабываемыми воспоминаниями...

Впервые имя Рихтера я – ученик 7-го класса музыкальной десятилетки – услышал где-то в конце сентября 1943 года, встретив на улице свою прежнюю учительницу – Нину Александровну Михайлову (супругу поэта Колау

Надирадзе). Она предложила зайти к ней завтра утром домой, где у нее занимается молодой, очень талантливый пианист, приехавший из Москвы, который на днях должен дать концерт в консерватории.

Как я позже выяснил, Рихтера ей рекомендовал, вернее, просил за него ее бывший педагог – хороший музыкант (а, кстати, и шахматист) Эдуард Тальвик, и по той причине, что почти никому не известному молодому пианисту попросту негде было заниматься!

Я не преминул воспользоваться предложением и на другой день заявился к тете Нине, жившей тогда на улице Джапаридзе (ныне ул. П.Яшвили). Как мне помнится, Слава почти все два часа моего там пребывания занимался прелюдиями и фугами Баха.

Примерно через неделю должен был состояться и концерт. К моему удивлению, зал был заполнен лишь наполовину. Видимо, имя молодого пианиста мало что говорило тогда любителям музыки, хотя стало известно, что Рихтер дружит с нашей замечательной художницей Еленой Ахвледиани.

К тому же выяснилось, что некому объявлять программу. Попросили это сделать меня, что я и исполнил с готовностью. Пианист несколько озадачил присутствовавших своим концертным «костюмом» (за отсутствием другого, подходящего!), совершенно непривычной в то время желтой кожаной курткой и большущими американскими ботинками.

Играл же Слава вдохновенно и с блеском – прелюдию и фугу (не помню уже, какую) Баха, 28-ю сонату Бетховена и «Фантастические пьесы» Шумана, вызвав восторг слушателей. Рихтер после этого еще целый месяц пробыл в Тбилиси, дал еще два концерта. Меня же, как выяснилось – запомнил. Годы спустя, всегда здоровался с дружеской улыбкой.

А теперь хочу предложить чи-

тателям знаменательную позднейшую дневниковую запись пианиста: «Я впервые выучил и сыграл II том Баха в 1943-м году в Тбилиси... Сначала играл для студентов, а потом в концерте (тогда же впервые играл «Аппасионату»). Это собственно и было началом моей карьеры» (Б.Монсержен. «Рихтер. Дневники и диалоги», стр. 146. М. 2007).

Как говорится, яснее не скажешь! Спасибо, Слава!

Следующие мои незабываемые воспоминания связаны с 1951 годом. В Малом зале консерватории уже широко признанный пианист играл для нас – студентов и педагогов «Аппасионату». Играл поистине вдохновенно, буквально наэлектризовав весь зал. Когда он закончил, я и сидевший рядом со мной профессор Г.З. Чхиквадзе, словно сговорившись, движимые каким-то внутренним импульсом, вскочили на ноги. Оглянулись – весь зал тоже встал!

Это было одним из сильнейших, когда-либо испытанных мною «эстетических потрясений»!

Гениально играл в Большом зале сонату си минор Листа и Большую сонату Чайковского. В другой раз – второй концерт Рахманинова, сонаты (6-ю и 7-ю) Прокофьева, «Колокола сквозь листья» Дебюсси, многое, многое другое, неизменно вызывая восторг публики.

Особенно памятным оказалось для меня выступление Рихтера в зале нашего оперного театра весной 1960 года. После того как он, сыграв на бис «Баркароллу» Шопена, закончил выступление, я прошел за кулисы, поздравил его и спросил:

– А помните, как ее («Баркароллу») играл Генрих Густавович? Ответ Рихтера буквально потряс меня: – Да, но он играл лучше!

Так мог сказать только по-настоящему великий человек, великий творец-художник, каким, конечно же, был и остается Святослав Теофилович Рихтер.

У каждого человека своя мера и глубина страданий. Я познала это, попрощавшись с актерской карьерой после тяжелой болезни. Бог послал мне не одно испытание: ушел из жизни мой муж Гига Лордкипанидзе... Человек яркий, известный своим творчеством – спектаклями, фильмами, гражданской позицией, общественной деятельностью. Он не мог дышать без театра и кино, без того круга людей, которых любил, без любви и доброты.

С его уходом я словно потеряла смысл жизни, оказалась как бы во тьме.

Но вот пришло известие: в Тбилиси появилась улица Гиги Лордкипанидзе, в Рустави театру было присвоено его имя. В саду его имени открыли бюст Г.Лордкипанидзе (автор – Зураб Церетели).

И еще одна радостная новость: в театре имени А.С. Грибоедова, в котором он дважды был художественным руководителем и который очень любил, установили в его честь мемориальную доску. Театр

отмечал славный юбилей – 170 лет со дня основания.

Я стала счастливой участницей большого и ярко-го праздника. Было много гостей из России и бывших союзных республик. Ко мне подходили, меня приветствовали и поздравляли. В юбилейных торжествах приняли участие известные и любимые актеры – Олег Басилашвили, Василий Лановой, Ирина Муравьева.

Со сцены звучало имя Гиги Лордкипанидзе, воспоминания о нем. Я словно бы очнулась после тягостного и мучительного сна. Это было и приятно, и радостно. Никогда не забуду этот вечер. Он останется в моей душе как сюрприз и подарок. Театром имени А.С. Грибоедова уже 15 лет руководит Авто Варсимашвили, ученик Гиги Лордкипанидзе. Он оправдал надежды своего учителя.

Директор театра Коля Свентицкий. Входишь в театр и попадаешь в театральный рай. Молодцы грибоедовцы и руководители театра. В этой деятельности – счастье. В этом – смысл жизни!

Браво грибоедовцам, браво Свентицкому, браво Варсимашвили! Спасибо всем!

Актриса театра имени К.Марджанишвили
Кетеван КИКНАДЗЕ-ЛОРДКИПАНИДЗЕ

Дорогой Николай Николаевич! Прошло совсем немного времени, как закончилось наше пребывание в Грузии. Все мы вернулись в свои театры, окунулись с

головой в нашу обычную работу, но часть наших сердец навсегда останется в Тбилиси, с торжествами, связанными с театром Грибоедова, с его грандиозной историей. Это были незабываемые для меня дни, насыщенные, интересные, волнующие. Вы говорили о подвижничестве, но именно вы и есть настоящий подвижник. Уверена, пока будут такие люди, как вы, Николай Николаевич, будет существовать русский театр, несмотря на все трудности и тяжести нашего времени. Часто слышала вокруг себя комментарии: «Эх, мне бы такого директора!» То, что вы сделали, как вы все это организовали, выше всяких комментариев и похвал. От всей нашей семьи, семьи Варпаховских приношу вам огромную благодарность за память об отце, за открытие мемориальной доски. От всего сердца желаю вам здоровья и успехов во всех ваших начинаниях и больших достижений театру имени Грибоедова!

С уважением и восхищением,
Анна ВАРПАХОВСКАЯ

До сих пор живу Тбилиси! До сих пор во мне гостеприимство, свет, тепло, добро и радость встречи с родными, близкими по духу людьми!

Коля! ТЫ – АБСОЛЮТНЫЙ ГЕНИЙ! ТАКОЙ ФОРУМ, ТАКИЕ СОБЫТИЯ СОБРАТЬ МОГ ТОЛЬКО ТЫ!!! Все профессионально организовано, четко отлажено, все и все работало, как часы! Подъезжаем на машине к театру, встречает стайка потрясающей молодежи! Приветствуют и провожают! Места выданы заранее.

Команда у тебя потрясающая, но без лидера такого уровня, как ты, ничего бы не состоялось! У меня в кабинете, в знаменитом товстоноговском предбаннике разложены книги серии «Русские в Грузии» и в центре «Русский театр в Грузии»! Я имела чемодан на 30 кг.: там же еще две бутылки вина, которые стоят в кабинете-музее Товстоногова! Все поражаются. Я сегодня здесь снимала для телевидения Алису Фрейндлих, она в потрясении листала книгу о Товстоногове, Сандро, Луспекаеве, Варпаховском, Чайковском, Пастернаке, Маяковском, Немировиче... А Басилашвили я дала прочесть о Маяковском еще в Тбилиси, и он открыл очень много интересного! Он его блистательно читает!

Ирина ШИМБАРЕВИЧ

SINCE 1884

SARAJISHVILI

ს ა რ ა ი შ ი ვ ი ლ ი

ГОРОДА РОССИИ

МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК АБРАМЦЕВО,
МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ, РОССИЯ.
ЦЕРКОВЬ НЕРУКОТВОРНОГО СПАСА

